

Многополярная аналитика

*Сборник создан при поддержке
Отдела информации и связей с общественностью
Секретариата ОДКБ во взаимодействии
с партнёрскими организациями*

Ноябрь 2025

Оглавление

Аналитика ОДКБ	5
О связях западных спецслужб с антиправительственной деятельностью «Братьев-мусульман»	5
Внедрение ИИ в вооруженные силы: опыт США, Китая и Израиля.....	14
Экспертный диалог	27
Становление институтов солидарного развития в Центральной Евразии. Принципы и направления развития Большого Евразийского партнерства	27
Формирующаяся архитектура международных отношений, перспективы евразийской системы безопасности	30
Перспективы коллективной безопасности в Евразии: зона ответственности ОДКБ как пространство для диалога.....	33
Концептуальный аналитический доклад «Большое Евразийское партнерство: общая ответственность за безопасное будущее»	37
Основное содержание доклада	37
Введение	40
Глава 1. Формирующаяся архитектура международных отношений, перспективы евразийской системы обеспечения стабильности и безопасности.....	41
Глава 2. Перспективы развития евразийской экономики в условиях глобальных трансформаций	52
Глава 3. Гуманитарное измерение стратегического партнерства – социально-культурное развитие Евразии как многомерный процесс обеспечения стратегического партнерства	65
Глава 4. Становление институтов солидарного развития в Центральной Евразии. Принципы и направления развития Большого Евразийского партнерства	73
Заключение	84

Аналитика ОДКБ

О связях западных спецслужб с антиправительственной деятельностью «Братьев-мусульман»¹

Аннотация. Длительное и тесное сотрудничество западных спецслужб, в первую очередь МИ-6 и ЦРУ, с «Братьями-мусульманами» представляет собой целенаправленную стратегию по дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в мире. Исламистские радикалы с момента создания движения культивировались и использовались Вашингтоном и Лондоном в качестве инструмента для подрыва светских националистических режимов, борьбы с советским влиянием и продвижения собственных геополитических интересов. Политика двойных стандартов, при которой экстремисты одновременно получали поддержку и объявлялись врагами, напрямую способствовала возникновению таких террористических структур, как «Аль-Каида»² и ИГИЛ³. Таким образом, радикальный исламизм во многом является порождением и следствием вмешательства западных держав, которое продолжает угрожать международной безопасности.

Ассоциация «Братья-мусульмане» («Джамба аль-Ихван аль-Муслимин», чаще «аль-Ихван аль-Муслимун», араб. яз.) представляет собой один из самых опасных и успешных вирусов, внедренный Вашингтоном в страны Ближнего Востока. Основной задачей данного интеллектуального «троянского коня», полагают исследователи ислама, является разрушение критического мышления мусульман, возбуждение в них животных инстинктов, заставляющих их действовать вопреки собственным интересам. Именно исламские фундаменталисты возродили и радикально переосмыслили джихад, придав ему особый, тоталитарно-фашистский оттенок.

«Братство», как основа всех оппортунистических исламистских концепций, всегда прибегало к обману для достижения тоталитарной власти

¹ Запрещенная террористическая организация

² Запрещенная террористическая организация

³ Запрещенная террористическая организация

под предлогом построения халифата. При этом обществам навязывались идеи исламистов через использование большого числа различных групп, носящих несоответствующие их реальному статусу названия. Для достижения своей главной цели, а именно получения власти, «Братья-мусульмане» прибегают как к разрешенным, так и противозаконным способам и средствам. Они без колебаний задействуют связанные с «Братством» ассоциации, объединения и социальные учреждения, в том числе сопровождая свои действия различными формами запугивания, насилия и открытого террора.

Консолидация экстремистских идеологий оказала серьезное влияние на появление вооруженных исламских формирований, при этом «Братья-мусульмане» оказались интеллектуальной колыбелью для многих лидеров международного терроризма. Публично отказавшись от прямой конфронтации с режимами и сконцентрировавшись на формировании прогрессивных политических партий, исламские радикалы экспортировали насилие и вооруженный экстремизм в структурно обособленные от них организации, однако имеющие при этом воинствующие идеологические гены представителей радикального ислама. Большинство лидеров террористических группировок, прежде чем перейти к прямому вооруженному джихаду, являлись членами «Братства». По мнению специалистов, альянс АБМ с «Аль-Каидой» и «Исламским государством» существует, но он имеет негласный характер и его сложно отследить.

Разведка Соединенного Королевства (МИ-6) проявила интерес к «Братьям-мусульманам» практически сразу после появления в Египте указанно структуры, установив в 1928 г. тесный контакт с исламистами через своего агента Фрейю Старк (Freya Stark), журналистку и путешественницу. В тот период связь с «Братством» использовалась англичанами с целью следить за деятельностью Германии в Северной Африке и получать информацию о возникающих в регионе различных политических движениях. Уже к 1942 г. англичане финансово обеспечивали египетских исламских радикалов, а сотрудники разведки проводили регулярные встречи с членами «Братства», снабжая их сведениями (иногда имеющими направленный характер), и всячески поддерживали их деятельность.

Способность исламских радикалов мобилизовать людей и превращать их в наемных убийц, отмечают аналитики, заинтересовала ведущие западные державы в контексте возможного использования членов организации для продвижения собственных геополитических и экономических интересов в регионе Ближнего Востока и за его пределами. Промы-

вание мозгов сторонникам «Братства» позволило ЦРУ США и британской МИ-6 задействовать радикалов для контроля над националистическими арабскими правительствами, а затем и для дестабилизации мусульманских регионов Советского Союза.

Именно Западный мир, по мнению экспертов, сформировал имидж и продвигает на внешний рынок радикальный ислам, который является глубоко политическим инструментом, предназначенным для провоцирования прямого военного вмешательства США и европейских государств там, где это возможно, либо для разжигания конфликтов чужими руками в случаях, когда мировым державам невыгодно непосредственное участие. Большая часть стран Европы во главе с Соединенными Штатами, под предлогом борьбы с терроризмом провозглашая заботу о безопасности своих граждан, превратились в полицейское государство.

После событий 11 сентября 2001 г. (террористическая атака на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон) в международной политике утвердился нарратив о том, что Запад ведет неразрешимую экзистенциальную войну с радикальным исламом. На самом деле, отмечают в экспертном сообществе, современная история не подтверждает этот мотив, а указывает на то, что атака террористов использовалась для оправдания интервенций США и западной коалиции в Афганистане, Ираке и Сирии. Вопреки официальным заявлениям, во внешней политике Вашингтона и Лондона неизменным направлением было формирование альянсов с радикальными исламистами в противовес светскому национализму во всем мусульманском мире. Запад регулярно объединял усилия с экстремистскими группировками для нападения на неудобные политические движения и стремящиеся к независимости правительства в целях их свержения.

Начиная с 1950-х гг. Соединенные Штаты готовили почву для подъема исламского фундаментализма, используя его наиболее радикальные реакционные элементы для борьбы со светским национализмом во всем исламском мире: от Египта и Саудовской Аравии до Афганистана и Пакистана. По мнению аналитиков, причина подобных действий американцев не в том, что Вашингтон отдавал предпочтение политическим теократам, а потому, что ему гораздо больше не нравились независимые правительства. Во многих странах, где руководство США утверждало, что ведет борьбу с радикальными антизападными исламистами, американцы либо поддерживали экстремистов, либо расчищали им путь, подрывая или свержая светские правительства.

Согласно документам ЦРУ, главной целью Ассоциации «Братья-мусульмане» являлось уничтожение концепции национального государства. Данная позиция исламистов послужила мотивом для британской и американской спецслужб в их стремлении использовать радикалов в своих целях.

Наиболее точное обоснование исторических и современных отношений Запада с исламскими радикалами эксперты усматривают в их общей решимости атаковать и уничтожать независимые светские правительства и политические движения по всему мусульманскому миру. Несмотря на то, что западники все чаще стали привлекать фундаменталистов для решения задач в рамках своих интересов, США и страны Европы неправильно будет называть про-исламистскими, поскольку им политически безразлично, кого они должны культивировать для достижения своей главной цели – подрыва независимого экономического национализма во всем мире.

После поражения нацистской Германии во Второй мировой войне глубоко католический Мюнхен стал местом концентрации и перегруппировки сотрудничавших с фашистами исламских радикалов, оказавшихся в плену в американской, британской и французской зонах. Там же сосредоточились и эмигранты из тюркоязычных регионов Советского Союза (Татарстана, Чечни, Узбекистана и др.), представлявшие собой «братство ветеранов войны» из числа ярых антикоммунистов. В конце 1950-х гг. в Мюнхене американцы начали проект по вербовке опытных «воинов Аллаха», обладающих специфическими языковыми навыками и бесценными связями в СССР, для участия в антикоммунистическом крестовом походе Соединенных Штатов. Именно в Европе, отмечают эксперты, недавно созданная и возглавляемая Алленом Даллесом (Allen Dulles) американская разведывательная служба впервые училась работать с представителями политического ислама.

Существует версия, что активное сотрудничество «Братства» с ЦРУ началось в 1957 г. после встречи президента Дуайта Дэвида Эйзенхауэра с заместителем директора американской разведки по тайным операциям Фрэнком Виснером (Frank Wisner). Глава Белого дома заявил о необходимости вовлечения арабских мусульман в «священную войну» с коммунизмом, к которой впоследствии подключились «братья-мусульмане» (в том числе рассредоточившиеся по странам Европы).

По мнению аналитиков, вплоть до 1970-х гг. отношения между «Братьями-мусульманами» и ЦРУ в основном были сосредоточены на проти-

водействии советскому влиянию на арабском Ближнем Востоке. В экспертном сообществе полагают, что политический ислам с упором на джихад основательно попал в поле зрения американской разведки. Как результат, союз фанатичных религиозных радикалов и воинствующих приверженцев идеологии «Братства» с ЦРУ более чем на 70 лет (вплоть до терактов в Нью-Йорке в 2001 г.) стал главной опорой тайной внешней политики Соединенных Штатов.

В 1979 г. президент США Джимми Картер одобрил операцию «Ураган» (Operation Hurricane), целью которой являлось использование арабских моджахедов (в первую очередь из «Братьев-мусульман») в борьбе с прокоммунистическим правительством Афганистана. Эта кампания, полагают эксперты, положила начало целой цепи событий, получивших продолжение в виде конфликтов в Югославии, Чечне и в конечном итоге привели к появлению «Исламского государства» сначала в Ираке, а затем и в Сирии.

Согласно подходам Збигнева Бжезинского (Zbigniew Brzezinski) по реализации Стратегии национальной безопасности США, «Братьям-мусульманам» отводилась важная роль в борьбе Запада против Советского Союза, в том числе в провоцировании беспорядков в государствах Центральной Азии. Кроме того, по плану западных политиков деятельность исламских радикалов должна была ускорить процесс распада стран указанного региона на враждебные друг другу мини-государства.

Около 17 стран-союзниц в начале 2010-х гг. участвовали в инициированной ЦРУ тайной операции «Timber Sycamore», целью которой являлась подготовка и оснащение сирийских повстанческих группировок для борьбы с режимом Башара аль-Асада (Bashar al-Assad). В рамках этой операции исламистам на миллиарды долларов США поставлялось оружие вплоть до тех пор, пока их деятельность не стала представлять угрозу интересам Запада.

В попавшей в прессу в 2012 г. служебной записке Разведывательного управления Военного министерства США (US Defense Intelligence Agency) содержались планы Вашингтона и его союзников по созданию на востоке Сирии (провинции Аль-Хасаке и Дейр эз-Зор) «салафитского княжества». Данные намерения задумывались с целью поддержать антиасадовскую оппозицию и изолировать сирийский режим, считавшийся стратегическим центром иранской экспансии. Позже эти земли станут местом концентрации боевиков «Исламского государства».

Начиная с 2013 г., отмечают эксперты, взаимодействие с «Братьями-мусульманами» практически отсутствовало в повестке Вашингтона.

Большинство лидеров организации отбывали тюремное заключение либо жили в изгнании в таких городах как Стамбул, Лондон, Доха и Куала-Лумпур, по этим причинам существовали объективные трудности в поддержании связи с ними. Кроме того, встречи между официальными лицами США и функционерами «Братства», по мнению аналитиков, не имели особой дипломатической ценности и, как правило, вызывали бурные протесты со стороны египетского правительства. При поддержке Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии, стремившихся после революций 2011 г. устранить исламизм в арабском обществе, Египет объявил «Братьев-мусульман» террористической организацией. Свои действия против движения власти АРЕ пытались представить, как часть глобальной войны с терроризмом и «противодействие насильственному экстремизму» – политической парадигмы, разработанной и продвигаемой Лондоном и Вашингтоном.

Исполняя указ президента США Дж. Картера от 1979 г., санкционирующего ЦРУ оказание помощи «воинам джихада» в их борьбе с Советским Союзом, американские спецслужбы приступили к двойному использованию возможностей террористов: превратили вооруженные группировки в средство достижения своих политических и экономических целей и одновременно стали оправдывать свою военную агрессию борьбой с ними. Вашингтон, полагая зарубежные аналитики, принимал непосредственное участие в последовательном создании главных представителей террористического интернационала – «Аль-Канды» и «Исламского государства» (ИГИЛ), оказывая структурам прямую или опосредованную поддержку. Бывший глава Разведывательного управления Военного министерства США Майкл Флинн (Michael Flynn) открыто заявлял о том, что Белый дом «сознательно принял участие в создании и руководстве такими террористическими структурами как «Аль-Канда» и ИГИЛ, оказывая экстремистам поддержку в их борьбе с сирийским режимом».

Кронпринц Саудовской Аравии Мохаммед бли Салман (Mohammed bin Salman), отмечают эксперты, впервые раскрыл тщательно скрываемый Западом секрет. По словам наследника саудовского престола, финансируемое его государством распространение ваххабизма – основного источника экстремистской идеологии террористических группировок, осуществлялось по просьбе западных стран, стремившихся во время холодной войны к противостоянию с Россией. Союзники Саудовской Аравии в странах Европы и США подталкивали Королевство к инвестированию проектов по строительству за рубежом мечетей и медресе, создавая таким образом препятствия для «вторжения Москвы» в мусульманские государства.

Характер продолжительного и тесного взаимодействия США с исламскими террористами, отмечают эксперты, укрепляет уверенность в том, что во всех актах насилия, осуществляемых экстремистами в ущерб безопасности стран третьего мира, можно найти следы Вашингтона.

Значительные слои мусульманского населения, полагают эксперты, убедились в лживости заявлений исламистов и их избирательном манипулировании региональными проблемами. Деятельность «Братьев» привела к появлению неопровержимых доказательств того, что они находятся вне международных отношений. Фундаменталисты больше не оказывают прежнего влияния и не могут рассматриваться как полезный геостратегический инструмент в межгосударственных конфликтах. Тем не менее, считают аналитики, «Братья-мусульмане» остаются умеренно сильными.

Тенденция отдавать приоритет региональному балансу сил, а не роли, которую играют исламисты во внутривнутриполитической обстановке, отмечают эксперты, указывает на склонность Запада занимать фаталистическую позицию по отношению к радикалам. Как следствие, такие страны как Соединенное Королевство и США предпочитают строить отношения с предположительно стабильными правительствами или надежными светскими союзниками, а не с религиозными движениями. В связи с этим общая готовность «Братства» позиционировать себя в качестве умеренной, ненасильственной политической организации с целью завоевать доверие западных правительств, свидетельствует о его приоритетах: радикалы надеются оказывать политическое влияние и практично подходят к достижению этой цели.

Американцы, полагают профильные специалисты, «наконец-то взялись за ликвидацию данной исламистской структуры». Основанием для подобных рассуждений аналитика послужил рассматриваемый в Конгрессе США проект Н.К.3883 «Закона о признании «Братьев-мусульман» террористической организацией от 2025 г.» (Muslim Brotherhood Is a Terrorist Organization Act of 2025), выдвинутый сенатором Тедом Крузом (Ted Cruz). Многие американские политики и сотрудники Госдепартамента, по мнению экспертов, по-прежнему симпатизируют исламистам, а в академических кругах их поддержка практически не вызывает сомнений. Члены «Братства», являясь идеологическими предшественниками современных джихадистов, сохраняют вековую традицию антизападных, антиамериканских, антисемитских и антидемократических догм. Предложенный законопроект не предполагает полного запрета деятельности организации, поскольку признает, что не все входящие в структуру АБМ формирования склонны к насилию. Цель закона – наказать агрессивно

настроенных исламистов по всему миру и создать правовую базу для более широкого применения санкций в будущем. Даже если правительство США примет решение о признании «Братства» иностранной террористической организацией (Foreign Terrorist Organization – FTO), отмечают в экспертном сообществе, этого будет недостаточно, чтобы приостановить агрессию, распространяемую исламистами по всему миру. Высказывается мнение о том, что существенное влияние Катара (причисляемого к основным спонсорам фундаменталистов) на администрацию Трампа, значительную часть американского Конгресса, научные круги США и многие аналитические центры препятствует снижению уровня исламского экстремизма в мире. В связи с этим, полагают специалисты, от Соединенных Штатов требуется гораздо большее, чем признание «Братьев-мусульман» террористической организацией.

Радикальный исламский терроризм, полагают эксперты, – это синтетическое творение западных спецслужб. Даже наличие у данной крайне экстремистской формы религии недостатков не вызывает у аналитиков сомнений в том, что интенсивный и широко распространенный терроризм возник в результате вмешательства Запада в дела Египта, Афганистана и в других местах. При этом глобалисты верят, что могут «играть в Бога (Аллаха)» и не отвечать за последствия.

Вопреки мнению мусульман в разных уголках мира о том, что Запад стремится к уничтожению ислама, Соединенные Штаты и их европейские союзники никогда не рассматривали эту религию в качестве врага. Боевики экстремистских группировок, по мнению аналитиков, использовались ими как пушечное мясо для дестабилизации обстановки в неугодных Западу странах, в том числе и для противостояния России. Вооружаемые американцами и европейцами так называемые «хорошие» террористы (сирийские, пакистанские или уйгурские) называются либеральными экспертами «боевиками» или «повстанцами» и нигде не упоминаются как исламские экстремисты.

После свержения «Братьев-мусульман» в Египте в 2013 г., значительного поражения тунисской исламистской партии «Ан-Нажда» (Ennahdha) на выборах и продолжающейся возглавляемой ОАЭ и Саудовской Аравией кампании против «Братства» по всему Ближневосточному региону у западных политиков появилось искушение считать исланизм поверженным. Эксперты находят подобные суждения ошибочными, поскольку исламисты продолжают играть важную роль в правительствах ряда государств (Марокко, Иордания и Кувейт). Вдохновляемые «Братями-му-

сульманами» общественные движения по-прежнему пользуются значительной, если не подавляющей, поддержкой мусульманской уммы по всему арабскому миру.

Чтобы правильно понимать и разрабатывать стратегию борьбы с исламским терроризмом политики должны помнить о реальном западном влиянии, которое породило истинный религиозный радикализм. Источники идеологии мусульманского экстремизма являются иностранными и возникли на Западе, который, по иронии судьбы, выбран в качестве главной мишени развязанного фундаменталистами террора.

Внедрение ИИ в вооруженные силы: опыт США, Китая и Израиля

Аннотация. Искусственный интеллект стал технологическим прорывом в военной сфере, и разные страны выбирают собственные пути его интеграции. Израиль делает ставку на оперативную эффективность, разрабатывая узкоспециализированные системы для идентификации целей и поддержки решений, хотя это сопряжено с серьезными этическими и правовыми рисками. США опираются на мощный частный сектор, используя модель открытых инноваций и тесного сотрудничества Пентагона с IT-компаниями для сохранения глобального лидерства. Китай реализует государственно-управляемую модель, где жёсткое централизованное планирование и политика военно-гражданской интеграции направляют усилия всех секторов на создание «интеллектуализированных» вооруженных сил. Несмотря на различия, все три страны сталкиваются с общими вызовами, такими как нехватка данных, уязвимость систем и сложности тестирования. В итоге будущее военного превосходства определяется способностью комплексно внедрять ИИ, сочетая цифровизацию разведки, развитие автономии и тесное сотрудничество с IT-сектором.

С появлением ИИ-систем человечество преодолело очередной технологический рубеж, ставший прорывом в том числе и в военной сфере. Потенциальные возможности, предоставляемые искусственным интеллектом (ИИ) вполне сравнимы с теми, которые имеют страны, обладающие ядерным оружием. Тем не менее на текущий момент ИИ-системы пока не представляют угрозы, аналогичной ядерному апокалипсису.

В отличие от многих технологий, перешедших с поля боя в повседневную жизнь, путь ИИ был скорее обратным. Хотя современный бум ИИ во многом обусловлен инвестициями и исследованиями коммерческого сектора, военные структуры быстро оценили его потенциал. Его высокая адаптивность и способность к быстрому анализу больших массивов данных в реальном времени не могли не привлечь внимание военных структур.

Сегодня можно выделить несколько ключевых направлений интеграции ИИ в военные системы:

1. *Автономные и роботизированные боевые системы.* Создание и совершенствование беспилотных летательных аппаратов, наземных роботов, морских дронов и других платформ, способных выполнять задачи от разведки до непосредственного применения силы с высокой степенью автономности, минимизируя непосредственное участие человека.

2. *Разведка, наблюдение, рекогносцировка и анализ данных.* ИИ адаптируется для обработки мультимодальных данных (спутниковые снимки, разведывательная информация, сообщения СМИ и т.д.). Алгоритмы способны выявлять скрытые закономерности, идентифицировать цели и объекты, а также проводить рекогносцировку местности, предоставляя командованию актуальную оперативную картину.

3. *Поддержка принятия решений и планирование операций.* На основе комплексного анализа данных ИИ-системы могут прогнозировать развитие ситуации на поле боя, моделируя последствия тех или иных решений.

4. *Кибервойна и информационные операции.* ИИ применяется для автоматизации как оборонительных (поиск уязвимостей и отражение кибератак), так и наступательных киберопераций. Кроме того, нейросетевые дипфейки используются в информационной войне для оказания влияния на население противника.

В настоящей статье представлен сравнительный анализ опыта внедрения технологий искусственного интеллекта в вооруженных силах Израиля, США и Китая. Выбор стран обоснован следующими факторами: Израиль ввиду непрекращающихся военных действий на Ближнем Востоке имеет практический опыт оперативного внедрения и применения ИИ на поле боя собственными вооруженными силами; США сохраняет доминирующие позиции в IT-сфере во многом благодаря технологическим компаниям из Кремниевой долины (что подтверждается первым местом США в рейтинге *Global AI Index*, оценивающим страны на основе ключевых показателей, таких как уровень исследований и разработок, состояние инфраструктуры, количество специалистов, инвестиции, государственная стратегия и коммерческое внедрение технологий); Китай, по данным *Bank of America*, в 2025 г. вложивший в развитие ИИ от 84 до 98 млрд долл., не только конкурирует с США на стратегическом уровне, но и представляет собой пример успешной государственно-управляемой модели в этой области.

Израиль: оперативная эффективность в условиях асимметричных угроз

Израиль целенаправленно реализует политику по интеграции ИИ-систем в свои вооруженные силы, стремясь компенсировать диспропорцию между постоянно растущими массивами разведанных и ограниченными человеческими ресурсами для их оперативного анализа. Из приведенного ранее списка ключевых направлений интеграции ИИ в военные системы Израиль сосредоточился на разработке ИИ-систем по принятию решений и планированию операций. Сама логика развития израильских военных технологий на основе ИИ говорит о том, что основная цель Израиля в этом направлении – качественное повышение эффективности командного цикла принятия решений. Методы анализа, используемые до «эпохи ИИ», больше не справляются с потоком данных, что создает риски замедления реакции на критически важную информацию. Таким образом, Израиль использует ИИ, чтобы сократить время между получением данных, идентификацией цели и нанесением поражающего удара.

Ключевую роль в процессе разработки и внедрения ИИ-систем в вооруженные силы Израиля играет созданное в 1952 г. подразделение 8200, входящее в Управление военной разведки Армии обороны Израиля. Оно не участвует в боевых действиях на земле, преимущественно занимаясь ведением кибервойны.

Общая координация усилий в сфере высоких технологий (включая ИИ) исторически находилась в ведении Национального управления кибербезопасности Израиля. При этом разработки ведутся в тесном сотрудничестве с израильскими институтами (например, Технионом, Тель-Авивским университетом, Институтом Вейцмана), коммерческими компаниями и, как стало известно благодаря расследованию израильских изданий *+972 Magazine* и *Local Call*, израильскими инженерами, призванными в армию после атаки 7 октября, ранее работавшими в *Google* и *Microsoft*.

Согласно данным, обнародованным израильским журналистом Ювалем Абрахамом, Израиль на постоянной основе использует как минимум три системы на основе ИИ: *The Gospel/Habsora* (Евангелие), *Lavander* (Лаванда) и *Where's Daddy?* (Где папа?). Все они были разработаны подразделением 8200.

«Евангелие» автоматически выявляет и ранжирует цели для атаки. Главным образом это военные объекты и инфраструктура. Как и все другие системы, она обучалась на базах данных, десятилетиями собираемых израильской разведкой. «Евангелие» способно оперативно анализировать

многолетние массивы необработанных данных (спутниковые снимки, данные БПЛА, перехват связи, данные киберразведки, тепловизорные изображения и т.д.).

По словам бывшего начальника Генштаба ЦАХАЛ Авива Кохави, «Евангелие» позволило радикально увеличить количество целей: если до его внедрения ЦАХАЛ выявлял около 50 целей в год, то после, во время операции «Страж стен» (май 2021 г.), «Евангелие» генерировало до 100 целей в день, при задействовании подразделения численностью около 100 человек.

«Лаванда» стала следующей ступенью в эволюции «Евангелия». Она была создана с целью нахождения лиц, подозреваемых в принадлежности к ХАМАС. Система на основе перехваченных сигналов, в том числе полученных благодаря *Pegasus* и похожим ПО, и «косвенных разведпризнаков» (нахождение в одной группе в *WhatsApp* с уже известными боевиками, частая смена места жительства или номера телефона, повторение других паттернов поведения, присущих членам ХАМАС) присваивает подозреваемому рейтинг от 1 до 100, отражающий степень вероятности его принадлежности к ХАМАС, а также отмечает место его нахождения. Согласно расследованию *+972 Magazine* и *Local Call* в первые недели после атаки 7 октября 2023 г. система включила в число потенциальных целей до 37 тыс. палестинцев, проживающих в Газе.

Использование «Лаванды» израильской армией сопровождается обвинениями в военных преступлениях. Экспертное сообщество указывает на высокий риск ошибки при выборе цели на ликвидацию в условиях перманентно меняющейся обстановки на поле боя и необходимости быстро принимать решения. В частности, утверждается, что в начале войны цель на уничтожение утверждалась после поверхностной проверки операторами. На выбор и оценку каждой цели отводилось около 20 секунд, этого хватало только на то, чтобы убедиться, что найденная цель — мужчина, так как среди боевого крыла ХАМАС женщин нет. Такой подход, допускающий более 10% погрешности, резко увеличил количество неизбежных ударов, что повлекло сопутствующие жертвы среди женщин и детей.

Система «Где папа?» тесно интегрирована с «Лавандой». Она создана для отслеживания в реальном времени геолокацию цели, ранее идентифицированной «Лавандой». «Где папа?» вычисляет, когда цель возвращается домой, и определяет временное «окно» для нанесения

удара. Журналисты подтверждают нередкие случаи, когда удары наносились по жилым домам, что влекло смерти не только боевиков, но и всех членов их семей.

Кардинальные сдвиги в использовании ИИ-систем в боевых действиях произошли в ходе операции «Железные мечи». Политическим решением стало признание целью на ликвидацию любого члена военного крыла ХАМАС, независимо от его положения в иерархии. Количество целейкратно увеличилось, что сделало невозможным их качественную перепроверку оператором-человеком.

Разработки подразделения 8200 представляют собой одни из самых передовых, но и вместе с тем самых спорных с правовой и этической точек зрения военных программ в мире. Международное гуманитарное право строится на основе принципов различия, пропорциональности и предосторожности при ведении военных действий. Системы, похожие на «Лаванда» и «Где папа?», которые идентифицируют комбатантов через алгоритмы с вероятностью ошибки в более чем 10%, отмечая местонахождение их в жилых домах, очевидно нарушают все эти принципы, добавляя аргументов в пользу правозащитников, осуждающих израильские методы ведения войны. Отказ Израиля подписать Гаагскую декларацию *REAIM* 2023 года об ответственном использовании ИИ в военной сфере стал наглядным сигналом о том, что Израиль не будет брать на себя ограничения в этой сфере, хотя это идет вразрез с мнением международного сообщества и морально-этическими нормами.

Вместе с тем использование ИИ-систем в операциях высокой интенсивности, таких как в Газе, вполне соответствует собственной военной стратегии Израиля – Доктрине Дахия, которая предполагает применение массовой, непропорциональной силы, разрушение гражданской инфраструктуры с целью деморализации противника. В русле Доктрины Дахия ЦАХАЛ планирует к 2028 году интегрировать ИИ в половину своих военных систем, включая дальнейшую автоматизацию разведки и управления огнем.

США: государственно-частный симбиоз и глобальное лидерство

Впервые Минобороны США опубликовало стратегию, регулирующую использование ИИ в военных целях, в 2018 г. В документе указывалось, что ИИ-технология является ключевой для «ведения и победы в будущих войнах». На данный момент документом, определяющим национальную стратегию США в области развития ИИ, является Указ Президента США № 14101 «Устранение препятствий на пути к американскому лидерству в области искусственного интеллекта» от 23 января 2025 г. В

дальнейшем, его реализация была конкретизирована в плане действий «Победа в гонке ИИ: план действий США в области ИИ», опубликованном Белым домом 23 июля 2025 г. В нем подчеркивается необходимость преодоления бюрократии, увеличения инвестиций и укрепления сотрудничества между государственным и частным секторами. Эти документы обеспечили государственную поддержку стремительно развивающимся ИИ-технологиям в США, в том числе и тем коммерческим разработкам, которые могут быть использованы на поле боевых действий.

Наиболее амбициозной государственно-частной инициативой стал проект *Stargate*, анонсированный в январе 2025 г. президентом США Дональдом Трампом. Проект объединяет *OpenAI*, *SoftBank*, *Oracle* и инвестиционную фирму *MGX* для создания на территории США к 2029 году сеть передовых дата-центров обработки данных и тренировки ИИ.

Основным бенефициаром государственных инвестиций в сферу ИИ остается военное ведомство. Так, около 75% государственных расходов США на проекты, связанные с ИИ, с 2013 по 2023 гг. пришлось на Пентагон. Координация усилий США в области военного ИИ приходится на несколько ключевых структур:

1. Управление перспективных исследований проектов Министерства обороны (*DARPA*). Созданное в 1958 г. в ответ на запуск СССР первого искусственного спутника Земли, сейчас стало ключевым ведомством Пентагона, отвечающим за разработку и внедрение новых технологий в вооруженных силы США.

2. Подразделение оборонных инноваций (*DIU*). Базируется в Кремниевой долине, отвечая за контакты Пентагона с IT-стартапами. *DIU* привлекает частный сектор в проекты оборонных инноваций, и, по сути, служит «мостом» между Пентагоном и динамично развивающимся ИИ сектором.

3. Национальные лаборатории. Научные центры, такие как Ливерморская национальная лаборатория им. Э. Лоуренса (*Lawrence Livermore National Laboratory, LLNL*) или Лос-Аламосская лаборатория (*Los Alamos National Laboratory, LANL*), известные тем, что в середине прошлого века разрабатывали ядерное оружие, а сегодня они также активно вовлечены в разработку ИИ-систем, в том числе двойного назначения. Часть таких разработок осуществляется в тесном контакте с IT-стартапами.

Многие передовые американские военные ИИ-системы имеют гражданские корни. Устоявшейся практикой стала разработка гражданского прототипа на первом этапе, а затем его адаптация под военные нужды —

на втором. Например, гарнитура *Microsoft HoloLens* (включая *HoloLens 2* и сопутствующие облачные сервисы *Azure*) изначально разрабатывались как коммерческий AR-продукт для обучения, удаленной помощи и работы с 3D-моделями, а потом технические наработки и облачная инфраструктура стали основой для развития программы *Integrated Visual Augmentation System* – системы дополненной реальности для армии США.

Свидетельством укрепления сотрудничества частного сектора с Пентагоном стало принятие четырех руководителей крупных технологических компаний на службу в резерв сухопутных сил США. В июне 2025 г. приняли присягу и стали подполковниками: Шьям Санкар (*Palantir*), Эндрю Босворт (*Meta, признана экстремистской и запрещена на территории России*), Кевин Вейл (*OpenAI*), Боб МакГрю (*Thinking Machines Lab* и *OpenAI*). Топ-менеджеры возглавили новое военное подразделение *Detachment 201* («Отряд 201»).

Предполагается, что руководители ведущих компаний в IT-сфере будут заниматься привлечением людей с технологическим опытом к работе на благо национальной безопасности США. IT-резервисты будут служить 120 часов в год, иметь гибкий график и освобождение от военной подготовки.

Все эти события стали свидетельством смены парадигмы в отношениях между государством и технологическим сектором. Еще десять лет назад IT-компании избегали работы над технологиями, которые могут быть использованы в военных целях. Теперь же, например, *Google* и *Open AI* отменяют внутренние протоколы о запрете использования своих ИИ-разработок при производстве оружия, открыв путь к более тесному сотрудничеству с оборонно-промышленным сектором.

Этот стратегический разворот нашел свое практическое применение в горячих точках. Украинский конфликт стал полигоном для тестирования американских военных ИИ-систем. С самого начала СВО на Украину начали приезжать руководители IT-стартапов из Кремниевой долины. Одним из первых стал генеральный директор *Palantir Technologies* Алекс Карп. Эта компания создала платформу *MetaConstellation*, моделирующую всеобъемлющее цифровое поле боя.

Она интегрирует и анализирует данные со спутников, включая *Starlink*, *Maxar*, *Airbus*, *ICEYE*, *Capella* и *NOAA* и пр., сокращая обнаружение концентрации войск, техники или артиллерийских позиций до 2–3 минут.

Среди других американских стартапов, проявивших себя на Украине, выделяют *Primer AI* и *Clearview AI*. *Primer AI*, которые специализируется на обработке естественного языка и машинного перевода. Разработки *Primer AI* позволяют преодолеть языковой барьер, расшифровывать, очищать от шумов и переводить перехваченную тактическую радиосвязь. *Clearview AI* создал систему биометрической идентификации по изображению с заявленной точностью распознавания в 99%. База данных *Clearview AI* насчитывает более 40 млрд изображений лиц (за время СВО она была увеличена на 400%), собранных из открытых источников – профили в социальных сетях *Facebook*, *Instagram* (*принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории России*), *ВКонтакте*. Группа *Privacy International* заявляет, что ВСУ используют эту систему для идентификации погибших и пленных российских военнослужащих.

Общее руководство по работе с американскими ИИ-стартапами, готовыми предоставлять свои системы для ВСУ, осуществляет министр цифровой трансформации Украины Михаил Федоров. Он открыто говорит о тестировании иностранных технологий на Украине с акцентом на проверку инноваций на поле боя в условиях реального времени. «Мы готовы помочь компаниям из стран-партнеров в разработке, тестировании и доработке технологий, которые действительно работают на поле боя. Это шанс получить опыт, который просто невозможно смоделировать в лаборатории», – подчеркнул украинский министр.

Начало СВО совпало с глобальным подъемом ИИ-индустрии, и многие американские ИИ-стартапы на безвозмездной основе предлагают свои разработки украинской армии не только ради практической апробации, но и, вероятно, чтобы создать репутацию компании, чьи разработки применялись в военных действиях.

Пентагон также активно инвестирует в автономные системы и агентские ИИ-процессы, сосредотачивая фокус на системах, способных выполнять задачи с минимальным вмешательством человека. Особое внимание привлекают следующие направления:

- Автономные дроны. С 2023 года идет реализация программы *Replicator*, предполагающей развертывание тысяч автономных дронов к 2026 году. Для реализации этой программы Пентагон заключил контракты с *Shield AI* (в 167 млн долл.) и *Anduril* на совершенствование алгоритмов роевого управления.

- Коллаборативные боевые самолеты. ВВС США планомерно внедряет боевые ведомые дроны, действующие совместно с пилотируемыми истребителями F-35.

Усилия, которые прилагают США по внедрению ИИ в вооруженные силы, обусловлены необходимостью опередить Китай, который на всех уровнях рассматривается Соединенными штатами как главный конкурент. Комиссия национальной безопасности США по ИИ, основанная в 2021 г., прогнозирует, что в течение десяти лет Китай может стать лидером в области ИИ.

Эти опасения обосновываются тем, что Китай инвестирует в проекты, связанные с военным ИИ больше, чем США. Точные цифры военных расходов Китая на ИИ засекречены, однако исследование американского Центра безопасности и новых технологий (CSET), анализируя открытые контракты НОАК, оценило минимальный уровень китайских закупок систем с элементами ИИ в 1,6 млрд долл. ежегодно. Реальные вложения могут быть значительно выше.

Китай: государственно-управляемая интеграция и тотальная интеллектуализация

Китай, признавая высокий трансформационный потенциал ИИ, делает ставку на создание интеллектуализированных вооруженных сил. Его подход также опирается на политику военно-гражданской интеграции, однако государственный контроль за развитием военных ИИ-систем несравнимо жестче, чем в США. В Китае развитие военного ИИ напрямую контролируется государством через политику военно-гражданской интеграции, обязывающую частные компании сотрудничать с армией, и централизованное пятилетнее планирование. Так, 14-й пятилетний план, реализуемый с 2021 по 2025 гг., прямо предписывает НОАК «ускорить комплексное развитие механизации, информатизации и интеллектуализации» ИИ-систем. В то время, как в США частные компании вроде *Google* сохраняют значительную автономию и могут оспаривать военные контракты под давлением общества, китайские компании законодательно подчинены партийным директивам. Кроме того, Закон КНР о безопасности данных предоставляет государству прямой доступ к данным компаний, тогда как в США подобная практика ограничена судебным и общественным контролем.

Разработки ИИ-систем двойного назначения начались примерно с 1980-х гг., когда был запущен План 863, включавший широкий круг проектов по интеллектуальной робототехнике. Сегодня этим занима-

ется Национальная программа ключевых исследований и разработок, которая финансирует проекты в области машинного обучения. Реализация военной ИИ-стратегии Китая обеспечивается за счет тесной координации военных и гражданских структур, среди которых:

1. Академия военных наук НОАК.

2. Государственные оборонные корпорации. Например, *Nornico* (Северная Корпорация Промышленности Китая) проектирует автономные системы, в частности, *Intelligent Precision Strike System* (комплекс для регулирования роя дронов и моделирования поля боя), а *China Electronics Technology Group Corporation* участвует в разработке ИИ-систем для РЭБ, связи, перехвата и обработки сигналов.

3. Частные технологические компании, привлеченные в рамках вектора военно-гражданской интеграции. *Baidu* производит технологии автономного вождения и облачных вычислений. *iFLYTEK* специализируется на распознавании речи и обработке естественного языка. Продукты используются НОАК для автоматизации прослушивания и перехвата коммуникаций. *PIESAT* продает геопространственные данные, полученные благодаря распознаванию объектов через ИИ, которые используются для картографирования местоположения в режиме реального времени, а также предоставляет услуги спутникового мониторинга и анализа данных для наблюдения и разведки.

НОАК внедряет ИИ в широком спектре военного применения:

1. Автономные и беспилотные системы.

Китай разрабатывает высокоавтономные ударные БПЛА («Темный меч», «Звездная тень», «Острый меч») с возможностью автономного полета, идентификации целей и применения оружия. Ведутся работы по технологии роев БПЛА.

Кроме летательных автономных систем Китай работает над наземными и морскими дронами. Один из первых функционирующих наземных роботов был показан на учениях в Камбодже еще в 2021 г. «Собаки-роботы» продемонстрировали возможность нести и применять автономное стрелковое оружие. Среди морских систем, выделяются беспилотные катера, такие как *Jinghai*, для автономного патрулирования водного пространства и беспилотные корветы *D3000* с функциями надводного боя.

2. Управление, связь, разведка и проведение киберопераций.

Силы стратегической поддержки НОАК используют ИИ для киберзащиты, включая распознавание образов для защиты от атак и обнаружения сетевых вторжений. Кроме того, идет активная работа по созданию ИИ-систем для сбора данных с различных источников и ускорения принятия решений. Основной целью декларируется создание «всепогодной многомерной сети ситуационной осведомленности».

Стоит отметить, что параллельно с Китаем США проектируют похожую сеть, объединяющую различные платформы и домены, в рамках концепции «совместного ведомственного командования и управления» (JADC2).

3. Моделирование и учения.

Китай проектирует цифровых двойников и интеллектуальных симуляторов для обучения и тренировок. Так, в мае 2024 г. в журнале *Common Control & Simulation* была представлена ИИ-система «Виртуальный командир», имитирующая стиль принятия решений командиров НОАК в компьютерных симуляциях боя. В процессе она демонстрирует способности не только оперативно анализировать ситуацию, но и генерировать варианты действий, оценивая их эффективность.

При активном развитии ИИ, Китай отстаивает ответственное и регулируемое использование военного ИИ. В 2021 г. Китай выступил в ООН с документом «О регулировании военного применения искусственного интеллекта», а в 2023 г. выдвинул глобальную Инициативу по управлению искусственным интеллектом, которую публично не поддержали США и Израиль, но одобрили многие страны глобального Юга. В этих документах Китай предлагает следующие положения, сочетающие технологическое развитие и этические нормы: сохранение контроля за человеком, соблюдение международного гуманитарного права при разработке и применении ИИ в военной сфере, недопущение гонки вооружений в сфере ИИ.

Сравнительный анализ

Проведенный анализ позволяет выделить три направления милитаризации ИИ. Израиль избрал узконаправленную модель, ориентированную на решение конкретных задач ценой пренебрежения нормами международного права. США реализуют модель открытых инноваций, опираясь на мощь частного сектора. Китай остается приверженцем социалистической рыночной экономики, где государство направляет усилия всех

секторов на внедрение высоких технологий в вооруженные силы, при этом разрабатывая национальные стандарты.

Опыт Израиля, США и Китая демонстрирует, что внедрение ИИ-систем в вооруженные силы сопряжено с масштабными трудностями. В ходе сравнительного анализа были выявлены следующие проблемы, с которыми повсеместно сталкиваются разработчики ИИ:

1. Недостаток и/или недоступность релевантных данных. Основная сложность состоит в отсутствии достаточного количества данных, непосредственно относящихся к военным операциям. Многие критически важные для обучения ИИ-систем данные либо не собираются в цифровом виде (например, записываются на бумагу), либо засекречены.

Кроме того, остро стоит вопрос разобщенности данных, когда обмен информацией между разными родами войск крайне затруднен. Это создает «информационные острова», препятствуя созданию единой обучающей базы.

2. Уязвимость молодых ИИ-систем. Многие эксперты признают существующие ИИ-системы как высокоуязвимые для целенаправленных кибератак и саботажа. Злоумышленники могут манипулировать данными и алгоритмами на этапе обучения системы. В частности, «отравить» обучающие данные, внося скрытые искажения, что приводит к систематическим ошибкам в работе системы, корень которых будет крыться в самом алгоритме. Дополнительную сложность создает большой объем данных, защиту которых сложно обеспечить. Эксперты отмечают проблему невозможности гарантированно обнаружить факт проникновения противника в собственные сети.

3. Ограничения сети. Современное поле боя генерирует колоссальное количество информации: изображения, видео с дронов и т.д. Существующие каналы связи не всегда способны обеспечить их передачу в реальном времени. Даже при достаточной пропускной способности, задержки в передаче данных снижают оперативность реагирования.

Особую трудность создают специфики сред: воздушной и водной. Так, создание надежной сети для роя БПЛА, требующей постоянного обмена информацией между множеством «узлов» сложнее, чем управление одиночными беспилотниками по каналу «точка-точка». Еще более ограничена связь под водой из-за поглощения сигнала. Кроме того, как БПЛА, так и подводные автономные аппараты часто зависят от наземных или воздушных ретрансляторов, которые уязвимы для ракетных атак.

4. *Сложности тестирования и оценки.* Для установления доверия к ИИ-системам, тем более военного назначения, необходимо всестороннее тестирование, что подтверждало бы их боевую эффективность. При этом, очевидно, что протестировать автономные системы вооружения во всех вероятных сценариях реальной войны принципиально невозможно. Подобное моделирование требует временных и финансовых ресурсов, и все равно не может быть исчерпывающим. Сам процесс испытания автономных систем, особенно в условиях, приближенных к боевым, может нести риски для безопасности.

В целом, несмотря на существенные различия в стратегических подходах, опыт Израиля, США и Китая по внедрению ИИ в вооруженные силы выявляет ряд универсальных технологических и операционных направлений, которые носят глобальный характер и определяют общие тенденции развития военной отрасли.

Во-первых, ориентация на создание интегрированных систем поддержки принятия решений. Разработки Израиля «Евангелие» и «Лаванда», американские программы типа *MetaConstellation* от *Palantir* и китайские проекты создания «всепогодной многомерной сети ситуационной осведомленности» демонстрируют общую парадигму перехода от человека-аналитика к человеку-оператору, следящему за алгоритмами.

Во-вторых, развитие автономных и роевых систем ведения боя. Эта тенденция отражает глобальный поиск демографических ограничений через делегирование тактических функций автономным системам.

В-третьих, появление развитых форм военно-гражданской интеграции. Так, США создали институциональные «мосты» (*DIU*, «Отряд 201»), которые привлекают гражданские стартапы, Китай директивно интегрирует частные компании в оборонные программы, а Израиль использует резерв разработчиков из технологических гигантов. Методы разные, но суть остается одной: ни одна страна не может развивать военный ИИ в изоляции от гражданско-технического сектора, что создает новые схемы партнерства между частными IT-компаниями и армией.

Все три направления задают следующие векторы развития современной военно-технической политики: тотальная цифровизация разведки, делегирование функций ИИ-системам при сохранении контроля за человеком и институциональное сопряжение военных ведомств с IT-сектором. Опыт Израиля, США и Китая показывает, что будущее военного превосходства определяется способностью оперативно внедрять эту триаду взаимосвязанных изменений, а не просто концентрироваться на отдельных прорывных технологиях.

Экспертный диалог

Становление институтов солидарного развития в Центральной Евразии. Принципы и направления развития Большого Евразийского партнерства

9 октября 2025 года на площадке Центра социально-консервативной политики (ЦСКП) состоялся круглый стол на тему «Становление институтов солидарного развития в Центральной Евразии. Принципы и направления развития Большого Евразийского партнерства».

Мероприятие организовано в рамках подготовки экспертной сессии «Перспективы коллективной безопасности в Евразии: зона ответственности ОДКБ как пространство для диалога» III Минской международной конференции по евразийской безопасности, запланированной на 29 октября 2025 года.

В круглом столе приняли участие представители МИД России, руководители научно-исследовательских институтов, аналитических центров, общественных организаций.

Открывая дискуссию, начальник Отдела информации и связей с общественностью Секретариата ОДКБ **Юрий Шувалов** заявил, что подходы, выработанные в ходе мероприятия, будут важны для подготовки Концептуального доклада «Большое Евразийское партнерство: общая ответственность за безопасное будущее», который будет представлен на Минской конференции по безопасности.

Директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, член-корреспондент РАН **Алексей Кузнецов** обратил внимание, что *«прежняя модель международного взаимодействия была построена в формате западноевропейской интеграции, а сегодня за каждой организацией, существующей на Евразийском пространстве, стоят разные возможности и структуры».*

Посол по особым поручениям МИД России **Александр Трофимов** отметил, что Евразийская интеграция для МИДа является магистральным политическим вектором, базирующимся на инициативах Президента России о Большом Евразийском партнерстве и создании архитектуры единой и неделимой безопасности: *«Большое Евразийское партнерство – это «интеграция интеграций». ШОС в этом смысле уникальная структура, объединяющая три цивилизационных центра. Будущее, несомненно, во взаимодействии в Евразии».* Спикер также отметил, что Хартия многообразия и многополярности в XXI веке может стать ключевой политико-нормативной надстройкой евразийского взаимодействия: *«В Хартии можно зафиксировать принципы взаимодействия на евразийском пространстве, заинтересованные государства могут их согласовать. Это тот самый документ, который может быть рамочным».*

Доцент философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова **Борис Межуев** подчеркнул, что проблемы для интеграции могут возникать, когда в ее основу изначально кладутся только экономические интересы. Более высоким уровнем интеграции эксперт назвал объединение через идентичность: *«Нужно выходить на проблему общей идентичности на евразийском пространстве. К сожалению, через чисто традиционные ценности выстроить взаимодействие не удастся, поскольку оплотом традиционных ценностей сейчас считаются США. Ключ к решению проблемы идентичности может лежать в социальном консерватизме, предлагающем решение остросоциальных проблем, которые не решила Евроатлантика».*

Заместитель председателя научного совета ВЦИОМ **Иосиф Дискин** отметил один из главных вызовов экономического развития стран Евразии – преодоление ловушки среднего уровня развития: *«Сегодня нет ни*

одного массового производства, которое не может быть автоматизировано. Государствам необходимо переходить к мид- и хай-тек. И это неизбежно станет новой конкурентной средой наших стран. Когда мы говорим об институтах солидарного развития, они должны регулировать конкуренцию на рынках государств. Однако, проблема в том, что основные рынки спроса на мид- и хай-тек продукцию сегодня находятся в США и Европе. Поэтому возникает вопрос о совместном вхождении на эти рынки. В этом мне видится источник солидарности, интеграции и силы».

Председатель Попечительского совета «Ассоциации Аналитика» **Александр Пискунов** выделил 5 уровней зрелости солидарного развития: первый – на уровне процессов, второй – проектное управление, третий – стратегирование, четвертый – состоятельность, пятый – оценка конкурентоспособности концептов развития. *«Новый мировой порядок будет определяться конкурентоспособностью концептов развития. Сегодня самое важное – поработать на пятом уровне. Если нужна понятная метрика ценностей, должны быть разделяемые смыслы прогресса и понятные формы человеческого бытия».* В данной связи спикер предложил проработать инициативу создания Евразийского фондового бюро ресурсов солидарного развития.

Генеральный директор GR-group **Андрей Громов** обратил внимание на утрату подлинности западного проекта: *«США и Европа превратились в пространства, где доминируют финансовые элиты и «универсальные ценности», стирающие культурные различия».* По мнению спикера, на евразийском пространстве Россия могла бы предложить иной путь, не навязывая его, а выстраивая на основе консенсуса: *«Главное – чтобы каждая страна сформулировала свой национальный интерес и увидела свое будущее. Только при этом возможно конструктивное сотрудничество, основанное на уважении к различиям и общих целях».*

Соучредитель и член Совета Международной ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор» **Игорь Задорин** подчеркнул, что в странах бывшего СССР на уровне населения происходил процесс, который можно назвать «разбеганием галактик». В этой связи, спикер отметил, что в некоторых странах еще не закончен цикл обретения идентичности, что следует учитывать при разработке проектов интеграции: *«Можно говорить о новом этапе интеграции, когда вопросы кооперации могут стать по крайней мере равными по степени значимости становлению внутреннего суверенитета. Можно делать проекты солидарного развития, но это должны быть проекты суверенного солидарного развития».*

Формирующаяся архитектура международных отношений, перспективы евразийской системы безопасности

25 сентября 2025 года в Секретариате Организации Договора о коллективной безопасности прошел круглый стол на тему «Формирующаяся архитектура международных отношений, перспективы евразийской системы безопасности». Мероприятие собрало ведущих представителей аналитического сообщества и экспертов внешнеполитических ведомств государств – членов ОДКБ.

В дискуссии приняли участие руководители ключевых научных и аналитических центров России, в том числе директор Института экономики РАН Михаил Головнин, директор Института Европы РАН Алексей Громыко, директор ИНИОН РАН Алексей Кузнецов, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России Сергей Маркедонов, посол по особым поручениям МИД России Александр Трофимов. В режиме ВКС к диалогу присоединились эксперты из Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Участников мероприятия приветствовал Генеральный секретарь ОДКБ **Имангали Тасмагамбетов**. В своем выступлении он подчеркнул важность совместной работы в условиях нестабильной международной

обстановки. *«В ситуации значительного роста вызовов и угроз мы стремимся глубже понять суть происходящего в мире и нашем регионе, работать и принять меры, необходимые для защиты интересов государств – членов ОДКБ. Именно это мотивирует нас на укрепление взаимодействия с экспертным сообществом»*, – отметил Генеральный секретарь ОДКБ.

В ходе оживленной дискуссии эксперты обсудили широкий круг вопросов, от диалектики старых и новых вызовов до практических шагов по укреплению евразийской безопасности.

Сергей Маркедонов, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, обратил внимание на то, что новые вызовы не отменяют старые системные проблемы постсоветского пространства, такие как формирование национальных идентичностей и многосоставность государств. *«Интеграция – это ведь всегда некая передача полномочий вверх. Ты должен немножко отчуждать суверенитета... Но это понимание с трудом дается»*, – констатировал эксперт. Он также подчеркнул необходимость «продавать своей обществу истории успехов» интеграции и усилить сопряжение различных евразийских проектов – ОДКБ, ЕАЭС и ШОС.

Алексей Кузнецов, директор ИНИОН РАН, выделил в качестве новых вызовов, требующих деликатного обсуждения, турецкий фактор, отметив сложность разделения культурного диалога и политической экспансии. В числе практических шагов он предложил проанализировать вузовские учебники государства и права стран Центральной Евразии, поскольку они формируют мышление будущих элит. Эксперт также высказался за укрепление научной дипломатии и поддержку «Иссык-Кульской экспертной инициативы», направленной на углубление кооперации аналитических центров.

Михаил Головнин, директор Института экономики РАН, проанализировал экономический контекст, указав на параллельное развитие в Евразии фрагментационных и интеграционных процессов. Он обозначил два сценария: жесткое блоковое противостояние и более гибкую модель с ролью стран-«мостов». *«Для России это пространство Центральной Евразии очень важно в экономическом плане... с точки зрения именно развития... отрасли с высокой степенью переработки и выстраивания производственных цепочек»*, – заявил Головнин. Особую роль он отвел развитию альтернативной финансовой инфраструктуры и транспортных коридоров, в защите которых может быть полезна ОДКБ.

Александр Трофимов, посол по особым поручениям МИД России, подробно остановился на российской инициативе по созданию архитектуры евразийской безопасности, выдвинутой Президентом России. *«Мы пытаемся дать ответ на массу вызовов новых и старых... и одновременно как-то нащупать, и расширить пространство взаимовыгодного сотрудничества в сфере безопасности»*, – пояснил дипломат. В центре будущей архитектуры, по его словам, должен лежать принцип равенства и неделимой безопасности. Он также подтвердил открытость МИД России к экспертным предложениям, в том числе в рамках разработки Евразийской хартии многообразия и многополярности.

Алексей Громыко, директор Института Европы РАН, отметил, что формирующийся полицентричный мир несет не только демократизацию международных отношений, но и серьезные риски. *«Модель полицентризма... может привести к ситуации войны всех против всех, а может привести к упорядоченному какому-то... взаимодействию»*, – заявил эксперт. Он указал, что Евразия представляет собой мозаику из узлов безопасности и горячих точек, а единая система безопасности пока является стратегической целью, к которой идут через создание стабильных подсистем.

Андрей Чеботарев, директор Центра актуальных исследований "Альтернатива" (Казахстан), обратил внимание на новые вызовы гибридного характера. *«Я предлагаю серьезно рассмотреть на уровне аналитического сообщества ОДКБ проблему провоцирования межэтнической розни. Мы реально столкнулись с тем, что в отношении Казахстана ведется информационная война с накачкой этнической темы, призывами бороться с так называемой "пятой колонной". Здесь важно бороться не с рядовыми "эмоционалами", а с источниками этой информации – профессиональными провокаторами, которые используют соцсети и мессенджеры для дестабилизации обстановки внутри наших стран»*.

Ольга Лазоркина, начальник Отдела Белорусского института стратегических исследований (Беларусь), предложила концепцию «инфраструктуры сближения». *«Инфраструктура доверия, которая складывалась десятилетиями, разрушилась практически в одночасье. В условиях кризиса выстроить новую систему с нуля невозможно, поэтому важно опереться на то, что осталось: опыт выхода из прошлых кризисов, сеть региональных организаций с прочной правовой базой и экспертную дипломатию. На этой основе можно создать инфраструктуру сближения – поэтапное налаживание контактов, чтобы сформировать параллель-*

ную реальность, столь же привлекательную, как западная, но не альтернативную ей, что позволит предоставить миру равные условия для выбора».

Подводя итоги, начальник Отдела Секретариата ОДКБ **Юрий Шувалов** поблагодарил участников и пригласил экспертов на предстоящую Минскую конференцию по евразийской безопасности, где будут представлены выработанные рекомендации. *«Считаем, что время настало. Нам поставлены определенные ориентиры, на которые мы выходим. Это создание институтов солидарного развития»*, – резюмировал он.

Участники круглого стола выработали рекомендации, нацеленные на дальнейшее укрепление Центральной Евразии как пространства безопасности, стабильности и устойчивого развития.

Перспективы коллективной безопасности в Евразии: зона ответственности ОДКБ как пространство для диалога

29 октября 2025 года в Минске в рамках III Минской международной конференции по евразийской безопасности состоялась рабочая сессия на

тому «Перспективы коллективной безопасности в Евразии: зона ответственности ОДКБ как пространство для диалога».

Мероприятие собрало представителей экспертных сообществ государств – членов ОДКБ, а также Узбекистана, Индии, Вьетнама и ряда других стран. Модератором выступил начальник Отдела информации и связей с общественностью Секретариата ОДКБ Юрий Шувалов.

С приветственными словами к участникам обратились заместитель Министра иностранных дел Республики Беларусь Игорь Секрета и заместитель Генерального секретаря ОДКБ Таалатбек Масадыхов.

Юрий Шувалов в своем вступительном слове отметил, что ОДКБ наращивает возможности и выступает как организация, которая в перспективе может решать задачи в рамках Большой Евразии: *«В рамках интеграции, в большом евразийском пространстве ОДКБ является наиболее подготовленной структурой, обладающей достаточно серьезными коллективными силами безопасности, большим потенциалом в области противодействия современным вызовам и угрозам».*

Игорь Секрета подчеркнул, что ОДКБ прошла испытание временем и состоялась как полноценная международная организация. *«Ключ к решению текущих проблем и созданию эффективных механизмов обеспечения безопасности находится именно в Евразии. <...> В новой парадигме международных отношений наша организация должна стать одной из военно-политических опор архитектуры многополярного мира»*, – заявил дипломат.

Таалатбек Масадыхов в своем выступлении акцентировал внимание на коллапсе прежней системы международной безопасности и усугублении геополитических разломов. *«В погоне за геополитическими дивидендами западные страны активно используют все более изощренные методы гибридной войны, компонентом которых все чаще становятся современные технологии, в том числе с использованием искусственного интеллекта».* Заместитель Генсека ОДКБ указал, что в этих условиях необходимо концентрировать усилия на предотвращении угроз, где ключевую роль играет аналитическая и прогнозная функция.

Депутат Национального собрания Беларуси **Александр Шпаковский** в своем выступлении указал на риски, связанные с деятельностью коллективного Запада в Центральной Азии и Закавказье, и отметил, что для сохранения интеграции на пространстве Евразии может потребоваться переход к более тесной политической интеграции.

Алексей Гольтяев, начальник департамента аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, опроверг тезисы о том, что ОДКБ является аналогом блоковых структур прошлого. *«ОДКБ не создана для того, чтобы противостоять кому-то или нападать на кого-то. Это совместный ответ на вызовы и угрозы, и на том, о чем говорили на всей конференции практически все спикеры. На слом, кризис, коллапс механизм европейской безопасности».* Он подчеркнул, что прозрачная правовая база и опыт организации в противодействии новым угрозам делают ее одним из ключевых элементов формирующейся евразийской архитектуры безопасности.

Файзулло Бародарзода, главный специалист Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, дал развернутую оценку угрозам, исходящим с южного направления. *«Поиск равновесия в сфере безопасности в Центральной Азии требует найти наилучшие способы разрешения существующих проблем и угроз, исходящих с южных рубежей зоны ответственности ОДКБ».* Среди ключевых рисков он выделил рост радикализации молодежи, неопределенный статус бывших боевиков ИГИЛ в Афганистане, а также противоречивую международную практику в определении терроризма. При этом эксперт отметил, что централизация власти в Кабуле открывает и новые возможности для прагматичного диалога и реализации инфраструктурных проектов с участием Афганистана.

Санджай Дешпанде, директор Центра центральноевразийских исследований Университета Мумбаи (Индия), заявил, что формирование многополярного мира делает создание независимой евразийской системы безопасности настоящей необходимостью. *«Предлагаемая система направлена на обеспечение не одной из стран, не одной державы, обеспечивается наша безопасность друг другом. Это очень важно».* По его мнению, успех этого начинания будет зависеть от способности стран согласовывать национальные интересы с общим видением, а ОДКБ предстоит обновлять коллективные оборонные стратегии и интегрировать новые направления безопасности, включая экономическую, энергетическую и человеческую безопасность.

Директор Института Европы РАН **Алексей Громыко** обратил внимание на смещение центра военно-политической напряженности в Европе в балтийско-скандинавский макрорегион, что приобретает стратегическое значение для безопасности западных рубежей Союзного государства России и Беларуси.

Представители экспертного сообщества Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана высказали свои взгляды на региональные вызовы, включая ситуацию в Афганистане, угрозы гибридного характера и важность развития гуманитарного сотрудничества. Директор центра «Ма`но» из Узбекистана **Бахтиер Эргашев** предложил провести в Ташкенте обсуждение проекта Евразийской хартии многообразия и многополярности для более широкого вовлечения центральноазиатского экспертного сообщества.

В ходе сессии представители Секретариата ОДКБ проинформировали о продолжении работы над Концептуальным докладом «Большое евразийское партнерство: общая ответственность за безопасное будущее», выпуск которого запланирован на ноябрь 2025 года. Участники дискуссии высоко оценили потенциал Евразийской хартии многообразия и многополярности как инициативы, способной координировать конструктивное взаимодействие стран региона.

Особое внимание было уделено перспективам реализации Исык-Кульской инициативы, утверждающей идейную основу и формат организации экспертного сообщества. Участники сессии сошлись во мнении, что расширение сотрудничества с аналитическими центрами государств Большой Евразии является ключевым фактором для выработки взвешенных решений в сфере региональной безопасности и развития.

Концептуальный аналитический доклад «Большое Евразийское партнерство: общая ответственность за безопасное будущее»

Основное содержание доклада

Мир вступил в эпоху системной трансформации. Привычные геополитические и экономические модели больше не обеспечивают устойчивость и предсказуемость глобальных процессов развития. Возрастает уровень неопределенности и напряженности.

Для государств Центральной Евразии такая ситуация создает комплексные вызовы и вынуждает искать новые оптимальные стратегии обеспечения безопасности и развития, способные противостоять любым видам кризисов и угроз. Назрела необходимость формирования устойчивой архитектуры безопасности и развития в Евразии.

Новая архитектура должна строиться на основе полицентричности, при которой все участники сохраняют возможности для суверенного развития. Для устойчивости этой системы необходимо закрепление общих принципов формирования евразийского пространства, отражающих неконфликтный и прагматичный характер сотрудничества.

Концепция Большого Евразийского партнерства (БЕП) отражает стремление стран континента объединить усилия в интересах мира и созидания. Это гибкая система кооперации, интегрирующая существующие различные институты взаимодействия в согласованную архитектуру. Реализация подхода «интеграции интеграций», сохраняющего самостоятельность каждой из структур, позволит сформировать целостное пространство.

Роль Центральной Евразии как ядра БЕП определяется историческими, географическими и социокультурными особенностями. Это уникальное пространство пересечения разных культур, этносов и цивилизаций, транспортно-логистических коридоров и экономических интересов крупнейших государств континента. Именно в разнообразии заложен огромный потенциал роста.

Процессы интеграции в Центральной Евразии развиваются в условиях глобальной трансформации. Государства региона активно взаимодействуют в различных сферах. Развивается сотрудничество в области торговли, взаимных инвестиций, рынка труда, миграции, вопросов водной, энергетической и продовольственной безопасности. Нарастает координация в борьбе с внешними вызовами и угрозами. Укрепляется социокультурный диалог, основанный на взаимопонимании и взаимопомощи.

Формирование и развитие Евразийской системы безопасности (ЕАСБ) должно быть поэтапным: от углубления диалога между существующими (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, АСЕАН и др.) и включения новых организаций – до выработки механизмов устойчивости и расширения адаптационного потенциала.

Особое внимание предстоит уделить обеспечению финансово-экономической безопасности в рамках ЕАСБ. Масштабы экономических вызовов, высокая степень неопределенности, внешнеэкономические шоки и развивающиеся связи внутри региона требуют инструментов и ресурсов для предупреждения и снижения финансово-экономических угроз с целью сохранения устойчивости системы и модели развития. Уже созданные в Центральной Евразии собственные международные финансовые институты с мандатом в области содействия экономической и финансовой стабильности должны стать частью модели обеспечения региональной безопасности.

Становление Центральной Евразии как коллективного субъекта мирового влияния связано с дальнейшим наращиванием и систематизацией коллективных усилий по предупреждению вызовов и угроз, кооперацией возможностей, ресурсов, технологий и пр. для более эффективной реализации национального суверенитета каждой страны, а также для достижения общих стратегических целей развития.

Всемерное содействие обсуждению идеи Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке, инициированной в 2023 году Республикой Беларусь, в 2024 году получившей совместное видение с Россией. Отвечая современным реалиям, Хартия имеет все шансы стать важнейшим документом в сфере безопасности, обеспечивающим в Евразии мир на десятилетия.

Идеи солидарного развития могут стать основой современного евразийского диалога. Его цель – создать условия, при которых каждая страна региона сможет реализовать свой потенциал без угрозы для суверенитета и идентичности.

Развитие принципов солидарного развития как эволюционного ответа на сложность современного мира в условиях кризиса имперской и неолиберальной моделей интеграции определяет необходимость совершенствования существующих форматов, а также создания новых сетевых структур – институтов солидарного развития. Такими институтами могут стать:

- Площадка широкого евразийского диалога, учитывающая многообразие народов и культур для формирования общего стратегического видения;
- Бюро ресурсов солидарного развития, для реализации возможности участия каждой страны в решении общих стратегических задач;
- Евразийское экспертно-аналитическое сообщество как распределенная сетевая структура для выработки ответственных решений в перспективных и важных для Евразии направлениях.

Введение

Концептуальный доклад обосновывает необходимость формирования новой архитектуры безопасности в Большой Евразии, основанной на принципах солидарного развития. В противовес устаревшим блоковым моделям предлагается сетевая система коллективной безопасности, ядро которой составляют региональные структуры – ОДКБ, ШОС и ЕАЭС. Ключевая роль в этой архитектуре отводится Центрально-евразийскому региону (Центральная Евразия – ЦЕА) как стратегическому стержню, где пересекаются интересы крупнейших держав. Именно через укрепление устойчивости ЦЕА может быть реализована перспектива Большого Евразийского партнерства как общеконтинентального проекта.

Особое значение приобретает опыт Центральной Евразии в выработке принципов солидарного развития. Так, практика ОДКБ в области кризисного реагирования и военно-технической кооперации служит основой для формирования механизмов обеспечения военно-политической безопасности в рамках более широкой евразийской системы безопасности. Успех такой модели во многом зависит от перехода к превентивному предупреждению угроз и созданию открытых диалоговых площадок, обеспечивающих равноправное участие всех заинтересованных стран региона.

Формирование Большого Евразийского партнерства и новой евразийской системы безопасности представляет собой комплексный процесс, включающий экономическую устойчивость, военно-политическое сотрудничество и гуманитарное взаимодействие. Контуров этих проектов определяются не статическим равновесием, а способностью к перманентной адаптивной трансформации. Их устойчивость будет зависеть от способности акторов генерировать общественные блага – от транспортного коридора «Север-Юг» до эффективных и гибких механизмов предупреждения кризисов, общих научно-технологических инициатив, которые материализуют абстрактное понятие «солидарное развитие» в конкретные проекты, повышающие благосостояние народов Евразии и, как следствие, укрепляют их коллективную безопасность.

Прочность новой «архитектуры взаимодействий» в Евразии определяется её способностью адаптироваться к изменчивым условиям, опираться на цивилизационное многообразие Большой Евразии и обеспечивать суверенное развитие всех участников.

Глава 1. Формирующаяся архитектура международных отношений, перспективы евразийской системы обеспечения стабильности и безопасности

1. Проблемы становления многополярного мира

Происходящие глобальные процессы существенно меняют картину мира. Укрепление ряда государств в качестве центров политического и экономического влияния создает новые возможности для продвижения их интересов, что влечет за собой пересмотр отношений между странами и блоками, открывает как благоприятные предпосылки для построения более совершенной мировой политической системы, так и ведет к возникновению новых противоречий и вызовов. Существующие механизмы регулирования разногласий и конфликтов, ранее демонстрировавшие достаточно высокую эффективность, сегодня с этой функцией не справляются.

Необходимость фиксации объективного изменения баланса сил в мире вошла в противоречие с стремлением США и Евросоюза, привыкших к своему привилегированному положению, сохранить преимущества. Таким образом, именно попытки западных стран удержать старый глобальный порядок представляют собой основную причину дальнейшей эскалации международной обстановки и милитаризации стран и объединений. Построение стабильной системы мироустройства требует учета сложившихся реалий и раскрытия потенциала новых центров влияния для всего мира.

По причине большого числа очагов конфликтов и тенденции к их разрастанию едва ли кто-либо в Большой Евразии рискнет утверждать, что усугубление вызовов и угроз современного мира обойдет их стороной. Оголтелая милитаризация стран Евросоюза и Японии, готовящихся в ближайшее времякратно нарастить военные расходы; планы США по сдерживанию Китая и, шире, выстраиванию новой политической архитектуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе; весьма нестабильная ситуация на Ближнем Востоке, вызовы и угрозы, исходящие с территории Афганистана; способный внезапно воспламениться тлеющий конфликт между ядерными державами – Индией и Пакистаном – это далеко не полный перечень рисков, которые вынуждены учитывать правительства стран региона.

Эскалация военных конфликтов в разных частях мира, невиданный масштаб задействования санкционных механизмов, нарастание новых

вызовов и угроз – это в значительной мере следствия продолжающейся конфронтации, дефицита доверия между основными игроками и опасных пустот в системе международной безопасности, которыми все более активно пользуются преступные, в первую очередь, террористические сети.

Терроризм фактически перестал быть орудием маргинальных групп, и все больше утверждается в качестве индустрии, в основе которой лежат политические и экономические интересы конкретных стран и блоков, действующих вовсе не спонтанно, а использующих передовые методы анализа, планирования и реализации своих замыслов с целью парализации системы управления, а то и уничтожения страны, выбранной в качестве жертвы. Происходит активизация таких сопутствующих терроризму явлений, как незаконный оборот наркотиков и оружия, незаконная миграция, организованная преступность и проч.

Нерешенность этих проблем создает странам Центральной Евразии (под которыми мы подразумеваем государства, входящие в состав Организации Договора о коллективной безопасности, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза и Союзного государства) серьезные вызовы и угрозы, вынуждая их искать оптимальные стратегии, способные обеспечить безопасность и развитие. Это происходит в условиях, когда многие из этих государств за последний период так или иначе сталкивались с агрессивными действиями или попытками вмешательства во внутренние дела.

2. Расширение взаимодействия как способ укрепления безопасности

Характер принимаемых решений в области международной политики и безопасности свидетельствуют о том, что в центрально-евразийских столицах есть глубокое понимание актуальности расширения работы в коллективных форматах и бесперспективности попыток обеспечить безопасность в одиночку. Можно констатировать нарастающую активизацию как двусторонних, так и многосторонних связей в рамках международных структур, действующих в ЦЕА. Прежде всего, в формате ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, СГ наработаны серьезные нормативные и правовые базы, регламентирующие деятельность этих структур на всех важных направлениях. Для принятия коллективных решений задействуются форматы регулярных встреч глав государств, руководителей и экспертов министерств и ведомств. Ведущийся в их рамках многосторонний диалог позволяет на плановой основе вырабатывать коллективные подходы по широкому спектру международных вопросов.

Многолетний опыт такой совместной работы обеспечивает становление так называемого «коллективного полюса», который позволяет более эффективно отстаивать интересы и достигать общих целей на международной арене и помогает его участникам проводить подлинно суверенную внешнюю политику, за счет консолидации усилий, ресурсов, технологий и пр. Данный формат, повышая возможности для реализации национального суверенитета участников, является своего рода его «стратегическим расширением» в отношениях с третьими сторонами.

Существует достаточно примеров, демонстрирующих, что этот подход находит конкретное применение в деятельности ОДКБ. В частности, в рамках Организации происходит активное совместное военное строительство, на плановой основе проводятся коллективные учения и операции силовых органов. В числе недавних совместных решений и практических мер – согласование нового порядка реагирования ОДКБ на кризисные ситуации, подготовленного с учетом опыта проведения коллективной миротворческой операции ОДКБ в Республике Казахстан в январе 2022 года. Новый документ позволяет максимально сократить сроки согласования, принятия и выполнения соответствующих решений.

В целях противодействия всему комплексу вызовов и угроз, исходящих с территории Афганистана, в формате ОДКБ утверждена и реализуется Целевая межгосударственная программа по укреплению таджикско-афганской границы, призванная обеспечить безопасность всего Центральноазиатского региона.

Разработан проект Концепции развития кооперационных и интеграционных связей предприятий военно-промышленных комплексов государств – членов ОДКБ. Ожидаемое принятие Концепции направлено на содействие развитию эффективной системы производственной и научно-технической кооперации и интеграции предприятий в сфере разработки, производства, модернизации, ремонта, эксплуатации и утилизации продукции военного, двойного и специального назначения.

Как пример адаптивности Организации к задачам по защите граждан от различных типов вызовов и угроз – создание Координационного совета уполномоченных органов государств – членов ОДКБ по вопросам биологической безопасности, в рамках которого активно проводится коллективная работа, направленная на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия в зоне ответственности.

3. Контуры будущей евразийской безопасности

На текущий период ситуацию с коллективной безопасностью в формате ОДКБ можно описать так: с одной стороны, коллективные механизмы задействуются достаточно широко и эффективно, демонстрируют значительный потенциал. С другой – в условиях усугубления старых и появления новых противоречий военно-политическая обстановка в мире стремительно деградирует, создавая все более высокую нагрузку на созданную в Центральной Евразии систему коллективной безопасности.

Учитывая жизненную важность этого вопроса для стран региона, все более острой представляется необходимость провести обстоятельный анализ системы коллективной безопасности в контексте складывающейся обстановки, смоделировать различные сценарии и подготовить коллективные механизмы к решению задач в новых, более неблагоприятных условиях. Важно добиться укоренения проактивного подхода, в соответствии с которым упор в отстаивании коллективных интересов будет делаться именно на превентивные, а не ответные меры.

В этом ключе особое значение приобрело наращивание аналитической и прогнозной составляющей в деятельности ОДКБ. Данное направление работы было выделено в отдельный трек в 2023 году по инициативе Республики Беларусь, включившей этот пункт в перечень приоритетов председательства. С тех пор Секретариатом Организации налажено сотрудничество с ведущими научными институтами и аналитическими центрами государств – членов ОДКБ, организовано взаимодействие с экспертным сообществом стран ЦЕА, ШОС, БРИКС. Базовые принципы и общие подходы самоорганизации экспертного сообщества и развития сети аналитических центров в ЦЕА определены на полях мероприятий СМВД ОДКБ в июне 2025 года. Документ получил название Исык-Кульской экспертной инициативы.

Результаты проведенных в этом формате исследований и регулярных обстоятельных обменов мнениями между экспертами со всей очевидностью демонстрируют, что укрепление солидарности и наращивание сотрудничества в рамках ОДКБ рассматриваются в качестве обязательного условия обеспечения мира и стабильности в зоне ответственности Организации. Этот подход, в частности, изложен в Заявлении министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности об общих подходах к обеспечению безопасности евразийского пространства от 22 ноября 2023 года.

Построение и совершенствование многофункциональной и действенной системы региональной безопасности представляет собой весьма

амбициозную задачу и требует значительных усилий от всех заинтересованных сторон. При этом особая ответственность ложится на Россию как на самую крупную и влиятельную страну ЦЕА, выполняющую функцию центра притяжения и локомотива преобразований. Нахождение в интеграционных структурах с участием России обеспечивает ее союзникам ряд уникальных преимуществ. Прежде всего, оно означает партнерство с постоянным членом Совета Безопасности ООН, ведущей ядерной державой, наряду с этим обладающей одной из сильнейших в мире сухопутных армий. В числе других преимуществ России – наличие богатых запасов природных ресурсов и огромная территория. Безусловно, особую ценность представляют собой наработанные между гражданами наших стран деловые, научные и, что, пожалуй, важнее, обычные человеческие связи. Участие других стран ЦЕА в формировании и функционировании евразийского полюса совместно с Россией позволит ее союзникам эффективно продвигать свою позицию по актуальным вопросам как внутри региона, так и на мировой арене.

Нельзя не отметить, что ЦЕА представляет собой перекресток интересов практически всех крупных мировых и региональных игроков – в первую очередь Китая, Турции, ЕС, США, которые заинтересованы в подключении стран региона к различным продвигаемым ими проектам. В этом контексте важно учитывать, что у Китая нет опыта формирования и участия в полноценных объединениях. Турция, заявляющая об особых интересах в Центральной Азии, находится далеко от этого региона и не располагает политическими и финансовыми возможностями для осуществления масштабных интеграционных инициатив. Тем более нет смысла говорить о Вашингтоне или Брюсселе как о потенциальных объединительных центрах в ЦЕА как минимум в силу того, что их интерес к региону ЦЕА во многом ситуативен. В любом случае ключевым требованием к ОДКБ будет дальнейшее утверждение Организации в качестве надежной и высокоэффективной платформы, основанной на глубоком взаимном доверии сторон.

С этой точки зрения особого внимания заслуживают современные концептуальные инициативы и проекты, призванные раскрыть потенциал сотрудничества, гармонизировать ход связанных с ним процессов на пространстве Евразии. Инициированная в 2023 году Республикой Беларусь, идея Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке получает все большую поддержку. Отвечая современным реалиям, Хартия имеет все шансы стать для Евразии тем, чем в 1975 году стал Хельсинский заключительный акт, который обеспечил Европе пусть и относительный, но мир на десятилетия. Замысел Хартии созвучен выдвинутой

Россией в 2015 году внешнеполитической и экономической инициативе «Большое Евразийское партнерство» (БЕП), направленной на построение в Евразии пространства безопасности и развития.

В контексте затронутой проблематики нельзя не упомянуть о том, что текущий кризис ОБСЕ начался, когда эта организация начала фокусироваться не на отношениях между странами, а на положении дел внутри стран. Это еще одно подтверждение того, что в основе любой современной системы безопасности должно лежать понимание того обстоятельства, что единого рецепта построения успешного общества не существует, и только осознанная, не навязанная извне трансформация стран и обществ может содействовать укоренению новых взглядов и подходов.

4. О практических подходах к обеспечению будущей евразийской безопасности

Методологически вопрос дальнейшего укрепления системы коллективной безопасности следует прорабатывать по двум трекам: с точки зрения достижения краткосрочных целей продолжить курс на развитие и сближение существующих форматов: ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, СГ и ШОС. В плане реализации средне- и долгосрочных целей, исходя из перспектив развития обстановки, следовало бы параллельно приступить к изучению возможности формирования новых межгосударственных структур фактически, институтов солидарного развития, обладающих более широкими полномочиями. Такие институты могли бы гармонизировать интеграционное пространство в ЦЕА, обеспечив реализацию принципа со-развития. При этом наиболее подходящим принципом при выстраивании отношений на всех контурах видится лозунг «Безопасность через сотрудничество!», подразумевающий достижение такой степени взаимосвязанности и взаимодействия между странами, что любое нарушение этих связей будет рассматриваться всеми сторонами как крайне нежелательное.

Основные задачи ОДКБ в Центральной Евразии: Всемерное развитие существующих региональных механизмов, наращивание взаимодействия между объединениями по всему перечню актуальных проблем, проработка вопроса о создании институтов солидарного развития, способных стать многонациональными центрами, регулирующими различные направления совместной работы.

Важно также учитывать позицию стран региона, не готовых взять на себя полноценные обязательства по участию в ОДКБ, тем не менее заинтересованных в той или иной форме участия в укреплении безопасности

в ЦЕА. Продвигать институты партнерства и наблюдения. В случае проведения совместных силовых операций предусмотреть возможность участия в них третьих стран на коалиционной основе.

Несмотря на все попытки внести разлад в отношения России с соседями, разносторонние связи в регионе ЦЕА остаются крепкими, что выражается в поступательном развитии политического диалога и расширении экономического взаимодействия социологические опросы также убедительно показывают позитивное отношение к России в Беларуси и странах Центральной Азии. С другой стороны, и эта сфера не свободна от конъюнктурных настроений, что выражается, в частности, в позиции стран Южного Кавказа по ряду важных региональных политических вопросов. Тем не менее, на этом фоне как политические, так и экономические отношения показывают значительный прогресс. Есть все основания утверждать, что в Баку, Ереване и Тбилиси есть понимание того, что евразийский фактор будет сохранять высокую актуальность при любом из возможных сценариев, а Россия будет оставаться важнейшей составляющей военно-политической обстановки в регионе.

Основные задачи ОДКБ в Большой Евразии: Большая Евразия представляет собой колоссальное пространство, на котором расположены различные по территории, политическому, экономическому и социокультурному укладу страны, в ряде случаев имеющие не только региональные, но и серьезные глобальные амбиции. С одной стороны, очевиден значительный незадействованный потенциал в плане политики и безопасности. С другой – континент не располагает собственной координирующей системой и структурой обеспечения мира и стабильности. На этом фоне есть основания полагать, что во многих странах региона уже существует или укрепляется понимание важности формирования общего пространства безопасности и устойчивого развития.

Перспективными форматами, расширяющими пространство диалога и доверия в сфере безопасности в Евразии, становятся: организуемая с 2023 года и обретающая все больший авторитет Международная конференция по евразийской безопасности в Минске, а также учрежденная в 2025 году. Международная конференция по кибербезопасности в Чолпон-Ате (Кыргызстан).

Основные задачи ОДКБ на глобальном уровне: продолжая сотрудничество с ООН по существующим трекам (миротворчество, противодействие терроризму и незаконному обороту наркотиков), проводить согласованную линию на реформу Организации. Создавать и расширять поли-

тические коалиции на площадке ООН. Государства – члены ОДКБ глубоко заинтересованы в существовании сильного и надежного глобального института, способного сформулировать новые, приемлемые для мира глобальные правила общежития и, главное, обеспечить их соблюдение.

Очевидно, что актуальной задачей на ближайшую перспективу является признание ведущей роли Евразии в формировании глобальной системы безопасности.

Евразийская система безопасности (ЕАСБ) – комплексное явление, охватывающее разнообразные институты, широкий круг акторов, принципы и нормы, новые политико-дипломатические практики, в том числе неформализованные, инициативы, идейные смыслы. Это, своего рода конгломерат институтов, инициатив и проектов в сфере безопасности. Сегодня выделяется целый набор сопровождающих становление ЕАСБ трендов, в их числе – объединительная повестка, мир как нормальность, конструктивный диалог, синергия потенциалов и проч. В основных чертах параметры будущей системы отражает упомянутый выше проект Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке.

Для решения столь амбициозной задачи потребуется ряд системных действий, направленных на концептуализацию категории «пространство безопасности», создание своей оптики для определения «евразийского видения» безопасности и проч. Факторы, обусловившие складывание новой системы безопасности, имеют весьма большой потенциал. К примеру, концептуальное сближение продвигаемой Россией и Беларусью модели многополярного мира с китайской моделью «сообщества единой судьбы человечества» (предложена китайским руководством в 2012 году) формируют контуры нового механизма определения глобальной повестки и, главное – глобального управления.

Одной из ключевых проблем является определение места евразийской системы безопасности в глобальной системе безопасности, параметры которой определяются документами и институтами Организации Объединённых Наций. В основных документах стратегического планирования РФ указывается, что внешняя политика России, в частности, решает задачу восстановления роли ООН в качестве центрального координирующего механизма в согласовании интересов государств – членов ООН и их действий по достижению целей Устава ООН. Аналогичного подхода придерживается Республика Беларусь, ее политика направлена на создание работающих механизмов обеспечения глобальной безопасности. В их числе исключение практики введения санкций без решения Совета Безопасности ООН наряду с созданием механизма международно-правовых

гарантий, не допускающих использование такого способа давления; разработка нового договорно-правового механизма по созданию прозрачного режима контроля над новыми смертоносными технологиями; принятие международного правового акта о кибернападении. В этом с Россией и Беларусью в целом солидарны Китай, Индия и другие страны макрорегиона. Таким образом, можно убедиться, что идеологи ЕАСБ в лице России и Беларуси четко обозначают ее место в глобальной системе безопасности. Предполагается, что это будет один из ее элементов на макрорегиональном уровне. Однако, учитывая масштаб новой системы, состав ее участников, накопленный опыт ее опорных конструкций в лице ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, СНГ и других, а также ее принципы и идейные основы, можно предположить, что этот элемент сможет оказывать существенное влияние на глобальную систему безопасности и это станет большим достижением на пути к солидарному развитию.

Сегодня в экспертных дискуссиях доминирует точка зрения, согласно которой формирование единой и монолитной евразийской системы безопасности маловероятно. Вместо этого будет развиваться сетевая модель евразийской системы безопасности, опирающаяся на многообразие существующих интеграционных проектов и институтов как стабилизирующих платформ Евразии. Отчасти это будет обусловлено крайне жесткой конкуренцией между различными моделями мироустройства. Речь идет о том, что евразийская система безопасности будет представлять собой конгломерат институтов, инициатив и проектов.

Очевидно, что процесс формирования евразийской системы безопасности будет поэтапным. Вероятно, что начнется он с диалога между существующими организациями (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, АСЕАН и др.), расширяясь до включения других стран и разноформатных межгосударственных объединений.

Первый этап уже по сути начался – идет активное согласование позиций и координация политики международных организаций. Так, еще в 2005 году был подписан Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН. Возможность налаживания взаимовыгодного сотрудничества между ЕАЭС, АСЕАН и ШОС была поддержана государствами-членами АСЕАН на саммите Россия – АСЕАН в 2016 году (Сочи). На саммите Россия – АСЕАН в Сингапуре в 2018 году был заключен Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и АСЕАН. Действие программы сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН продлено до 2025 года. В 2020 году Советом глав государств ШОС было принято решение о подписании Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и ЕЭК (подписан в Душанбе в 2021

году). В сентябре 2025 года в Пекине на полях саммита ШОС состоялась тринадцатая встреча Высших административных должностных лиц ОДКБ, СНГ и ШОС, в ходе которой была принята Дорожная карта по развитию сотрудничества трех организаций.

На втором этапе необходимо будет определяться с механизмами координации при выработке решений для управления всей евразийской системой безопасности, а также с зонами ответственности каждой из структур, выступающих в качестве опор ЕАСБ. Безопасность не сводится только к военным и военно-политическим аспектам, она включает экономическое сотрудничество, борьбу с бедностью и неравенством, а также совместное противодействие таким вызовам, как терроризм, экстремизм, киберпреступность и проч. На первый взгляд, «распределение обязанностей» кажется очевидным: за военно-политическую безопасность отвечает ОДКБ и отдельных сегментах – ШОС, за экономическую – ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и т.д. Однако на практике оказывается все гораздо сложнее. Так, решения Тяньцзиньского саммита ШОС показали, что последняя вовсе не торопится использовать инфраструктуру и опыт ОДКБ в части противостояния вызовам и угрозам, а формирует свои региональные структуры. Таким образом, ключевым участникам придется приложить существенные усилия для максимально эффективного сопряжения существующих структур, их национальных проектов и потенциалов. Представляется, что одной из точек сопряжения могла бы стать совместная работа над введением в поле документов стратегического планирования международных организаций таких понятий, как «информационное вторжение», «ресурсная блокада», «предгибридные действия» и проч., характеризующих современное гибридное противоборство.

Наконец, на третьем этапе система будет решать проблему сохранения устойчивости и расширения адаптационного потенциала. Перечень задач будет сформирован по итогам прохождения первых двух этапов. Очевидно, как уже указывалось выше, евразийская система безопасности не будет представлять собой жесткую структуру, характерную для систем блокового типа. Это скорее будет открытая полиструктурная динамическая система – конгломерат международных структур, государств и негосударственных игроков, между которыми существуют гибкие, часто нелинейные связи. Внешние контуры системы будут характеризоваться как «мягкие края». Речь идет об отрицании и отсутствии жестких структур внутри системы, а также ее способности вбирать в себя другие структуры различной природы (без необходимости преодолевать какие-либо системные барьеры), активно реализовывать неформализованные практики. Та-

кие параметры новой системы вполне отражают запрос на формат, представляющий собой круг единомышленников, которые преследуют схожие цели, но при этом не формируют специальных институциональных настроек, придерживаются юридически не обязывающих принципов и норм политического поведения на международной арене, апеллирующих к политической ответственности.

Опора на мягкие структуры автоматически повышает уровень адаптивности системы к меняющимся международным условиям. Очевидно, что евразийскому проекту рано или поздно придется конкурировать с евроатлантическим проектом, который, несмотря на раскол в рядах коллективного Запада, спровоцированного европейской политикой Трампа, пока демонстрирует устойчивость. Для сохранения субъектности новой системе необходимо закрепление стратегических универсальных ценностей евразийского пространства, которые стали бы основой неконфликтного и прагматичного диалога Востока и Запада, Юга и Севера.

Ставки чрезвычайно высоки в силу того, что многие страны обладают колоссальными военными, в том числе ядерными потенциалами, и любое столкновение, даже начавшееся как локальный конфликт, может привести к фатальному для мира исходу.

Сильнейшая мотивация для государств – членов ОДКБ заключается в том, чтобы избежать конфронтации, способствовать эволюционному переходу мироустройства в новое состояние и занять в нем достойное место, позволяющее эффективно продвигать интересы коллективной безопасности.

Необходим глобальный диалог, и этот вопрос должен стать неотъемлемой частью международной повестки вопреки позиции сил, сохраняющих надежду на то, что им удастся отстоять противоположную позицию методами давления и шантажа. В интересах стран ЦЕА продвигать эту идею, быть инициаторами новых договоренностей, которые удержат человечество от скатывания в пропасть новых войн, создадут условия для устойчивого мира и развития.

Глава 2. Перспективы развития евразийской экономики в условиях глобальных трансформаций

Глобальная фрагментация мировой экономики, вызванная обострением торговых и санкционных конфликтов, формирует новые региональные контуры. В этой фрагментации Центральная Евразия становится ключевым звеном, регионом со значительным потенциалом, пространством для развития внутренних источников роста в интересах граждан.

Успешная адаптация государств Центральной Евразии к новым вызовам, реализация их долгосрочного потенциала роста напрямую зависят от наличия общих, разделяемых всеми государствами региона подходов к развитию региона. Для максимизации результатов от использования таких общих подходов необходимо наладить механизмы взаимовыгодного партнерства, а также обеспечить стабильность и предсказуемость среды взаимодействия, в том числе в экономической сфере.

Согласно информации из Базы данных суверенного финансирования⁴ Евразийского фонда стабилизации и развития, в Евразийском регионе десятки международных институтов развития ежегодно предоставляют государствам финансирование объемом порядка 10 миллиардов долларов США под региональные проекты и инициативы развития.

Будущие поколения будут оплачивать те стратегические решения своих предков и кредиты, взятые у международных доноров под эти амбициозные инициативы, проекты и программы.

Крайне важно, во-первых, быть уверенным, принесут ли указанные выше проекты и инициативы государствам и региону в целом реальную пользу, а не лягут бременем государственного долга. Во-вторых, обеспечить экономическую стабильность для реализации таких проектов и инициатив.

Устойчивость будущего экономического роста, успешность реализации инициатив и сотрудничества напрямую зависит от способности государств на основе объективной оценки своими решениями обеспечить экономическую безопасность как основу для этой работы.

С учетом высокой степени экономической неопределенности и рисков для Центральной Евразии необходимо задуматься о региональном международном институте содействия экономической стабильности и развития, который станет доверенным помощником в подготовке комплексного и объективного анализа для принятия стратегических решений,

⁴ База данных суверенного финансирования Евразийского фонда стабилизации и развития (SFD), (<https://efsd.org/research/sfd/>)

направленных на обеспечении сильного, устойчивого и сбалансированного роста региона.

1. Анализ экономических тенденций в Центральной Евразии

Период последних пяти лет стал для экономик Центральной Евразии временем серьезных испытаний и активной адаптации к серии мощных внешних шоков. Пандемия COVID-19 в 2020 году, начало СВО в 2022 году и последующие беспрецедентные изменения в торговой политике США в 2025 году потребовали быстрой перестройки к новым реалиям.

Несмотря на ряд реализовавшихся за последние несколько лет шоков, большинство экономик региона продемонстрировало устойчивость и сохранило позитивную динамику экономической активности (Рисунок 1). Так, в 2022-2025 годах среднегодовые темпы прироста ВВП большинства экономик Центральной Евразии сохранялись на достаточно высоком уровне. Показатели роста экономик государств – участников ОДКБ (за исключением России) в этот период составили в среднем 6,8% в год, что значительно превышает доковидные значения (3,6% в 2016-2019 годах.). Примечательно, что, несмотря на санкционное давление, среднегодовые темпы роста российской экономики с начала СВО сохраняются вблизи потенциального уровня (около 2%).

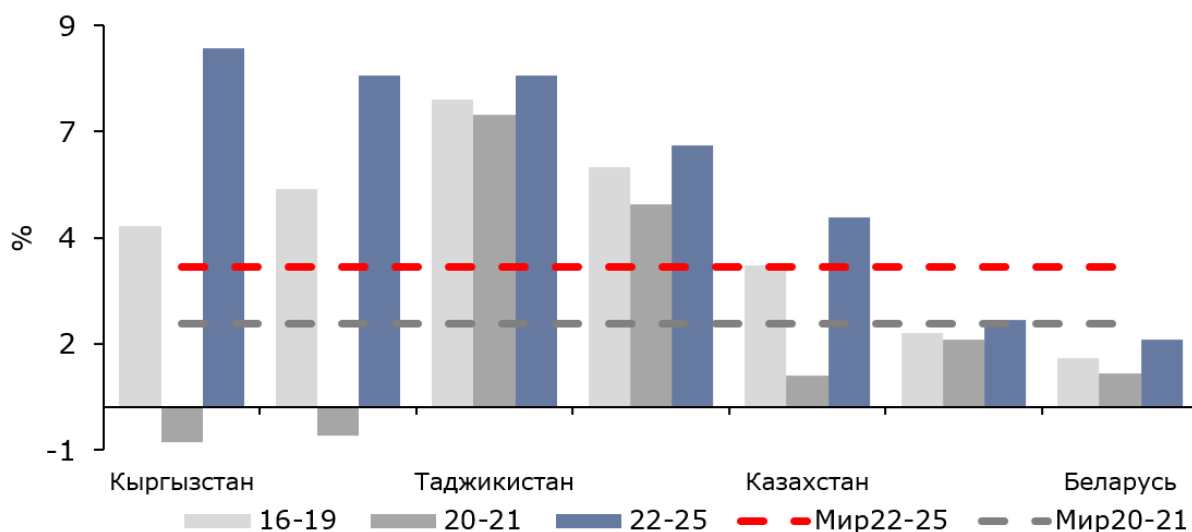

Рисунок 1. Темпы экономического роста

В сложившихся условиях можно выделить несколько ключевых источников экономического роста в регионе:

Ресурсный экспорт. Для ресурсно-ориентированных экономик, таких как Россия и Казахстан, основным драйвером остаются доходы от

экспорта энергоносителей, металлов и продовольствия, переориентированного на рынки Азии. Наращивание поставок нефти, угля и сжиженного природного газа в Китай, Индию и другие страны компенсировало потерю европейских рынков.

Трансферты и логистика. Для менее ресурсобеспеченных стран значимым фактором роста стал приток денежных переводов от трудовых мигрантов (Таджикистан и Кыргызстан), а также активная реэкспортная и транзитная деятельность (Кыргызстан и Армения), связанная с перестройкой глобальных логистических цепочек.

Внутренний спрос. Важным драйвером во многих странах региона стал внутренний спрос (Рисунок 2), который поддерживается за счет стимулирования внутреннего кредитования и увеличения государственных расходов. Однако мягкая фискальная политика привела к дефициту государственных бюджетов. Для его финансирования власти активно прибегают к заимствованиям, что создает риски для долговой устойчивости в среднесрочной перспективе.

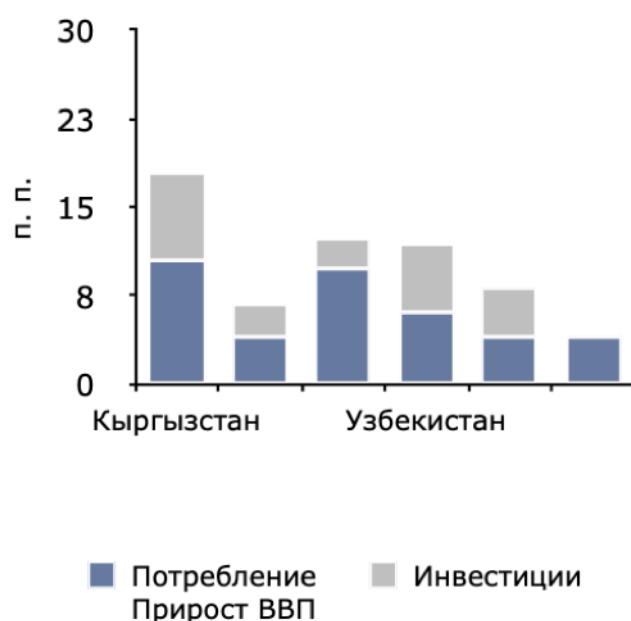

Рисунок 2. Средний вклад потребления и инвестиций в прирост ВВП в 2022-2025 годах

Источник: Статистические ведомства

Инфляционное давление стало одним из ключевых вызовов для большинства стран региона. Глобальный рост цен на продовольствие и энергоносители, усугубленный девальвацией национальных валют и нарушениями в цепочках поставок, привел к резкому ускорению инфляции с 2020 года. Особенно ярко эта тенденция проявилась в 2022-2025 годах, когда средний показатель инфляции в регионе ОДКБ составил 7,5%, а в России – 9,3%. При этом Китай и, в меньшей степени, Индия

демонстрировали устойчиво низкие показатели (0,5% и 4,8% соответственно в 2022-2025 годах) (Рисунок 3).

Ответом на ускорение инфляции стало последовательное ужесточение монетарной политики центральных банков. В 2022-2025 годах ключевые ставки в экономиках государств-участников ОДКБ (10,3%) и отдельно в России (16,1%) были значительно повышены для сдерживания инфляционных процессов и стабилизации национальных валют.

Усиление роли государства стало еще одной заметной тенденцией. В условиях высокой неопределенности и ограниченного доступа к международным рынкам капитала правительства стран региона увеличили свою роль в экономике для поддержания стабильности. Хотя эта мера была вынужденной в краткосрочном периоде, она требует внимательной оценки с точки зрения долгосрочной конкурентоспособности экономик, развития частной инициативы и гибкости рынков.

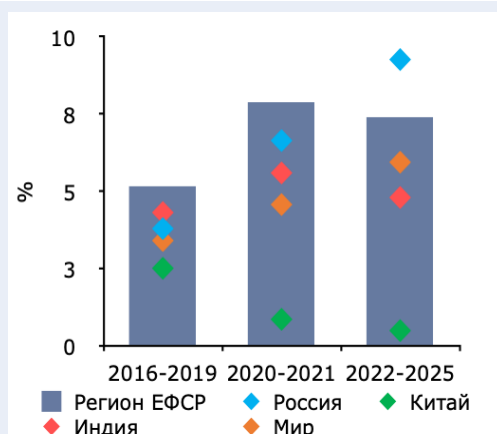

Рисунок 3. Инфляция

Примечание: 1. Для региона ОДКБ – медианное значение в разрезе стран.

Источник: Статведомства стран, МВФ, оценка ЕФСР

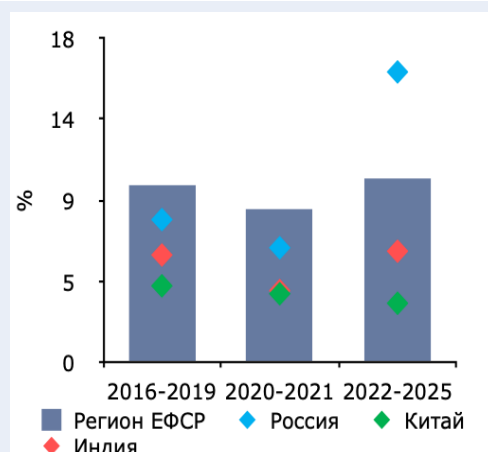

Рисунок 4. Процентные ставки центрального банка

Примечание: Для региона ОДКБ – медианное значение в разрезе стран.

Источник: оценки ЕФСР, МВФ

В торговле в ответ на геополитические вызовы последних лет наблюдается фундаментальный, структурный сдвиг от направления Европа/США к восточноазиатскому вектору. Он выражается в двух ключевых тенденциях: усилении экономической интеграции с Россией и растущей роли Китая (Рисунок 5). Данные за 2022-2024 года демонстрируют значительный рост доли России во внешнеторговом обороте ряда стран: в Беларуси – до 67% (рост на 16 п. п. к периоду 2016-2019 годов.), в Армении – до 38% (+11 п. п.). Параллельно с этим стремительно растет и

доля Китая, особенно в России (30%, +14 п. п.), Казахстане (21%, +8 п. п.) и Кыргызстане (35%, +7 п. п.).

Рисунок 5. Географическая структура внешнего товарооборота

Источник: составлено ЕФСР на основе данных МВФ

Этот сдвиг в торговле стимулирует активное развитие новых логистических маршрутов и усиление значения сухопутных путей через Центральную Азию. Сокращение доли «остального мира» в торговле Беларуси (с 43% до 24%), России (с 85% до 70%) и других стран региона создает значительные возможности для инвестиций в развитие транспортной, складской и портовой инфраструктуры, необходимой для обслуживания переориентированных товарных потоков.

Прогнозы на период 2026-2028 годов демонстрируют разнородную, но в целом позитивную динамику в регионе. Ожидается, что темпы экономического роста будут существенно варьироваться: от умеренных 1,0-1,7% в России и Беларуси до высоких 4,2-7,1% в странах Центральной Азии. Лидерами роста станут Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, чьи экономики, по прогнозам, будут расти со средним темпом свыше 5% в год. При этом Казахстан и Армения сохраняют устойчивые темпы прироста ВВП на уровне около 4,5-5,0%. Важно отметить, что прогнозируемые показатели по всем странам региона, за исключением России и Беларуси, уверенно превысят среднемировые (2,4- 2,7%).

Этот рост в условиях глобальной трансформации, фрагментации, регионализации, а также намерения стран развивать региональное сотрудничество будет сопровождаться дальнейшим повышением взаимосвязан-

ности экономик Евразийского региона, выбором эффективных инфраструктурных решений и адаптацией к новым логистическим и торговым условиям.

При этом уровень неопределенности в отношении дальнейшей динамики торговых конфликтов остается высоким. Риск эскалации противостояния между отдельными крупнейшими экономиками мира может распространить торговую напряженность на целые регионы, оказав негативное влияние на глобальный спрос и конъюнктуру сырьевых рынков.

2. Интеграционные процессы в Центральной Евразии

2.1. Объективные предпосылки

Государства Центральной Евразии связаны между собой и сотрудничают по многим направлениям. По оценкам ЕФСР, в экономической сфере это торговля и взаимные инвестиции, формирование общих товарно-производственных цепочек, миграционные потоки, влияющие на рынки труда и сферу финансовых услуг, а также сотрудничество в водно-энергетической сфере и по обеспечению продовольственной безопасности. В политической сфере государства взаимодействуют через двусторонние и многосторонние форматы, координируя внешнеполитические позиции. В вопросах безопасности осуществляется координация для борьбы с трансграничной преступностью, терроризмом и пограничное сотрудничество. Взаимодействие в сферах науки, образования и культуры способствует повышению человеческого капитала и передаче технологий.

Процессы экономической интеграции в Центральной Евразии имеют прочную объективную основу, которая усилилась в условиях глобальной трансформации. Это объясняется следующим:

Во-первых, в Евразийском регионе имеется множественность экономических центров (Россия, Казахстан, Китай, Индия и др.), которые на дву- и многосторонней основе создают сеть партнерств для максимизации экономического потенциала своих государств на основе геоэкономической комплементарности.

Экономики, обладающие значительными ресурсами (энергоносители, удобрения, продовольствие, отдельные технологии, ВПК), находят высокий спрос на быстрорастущих азиатских рынках. В свою очередь, страны Азии, в первую очередь Китай, Индия, Вьетнам, являются источником масштабных инвестиций, готовой продукции широкого потребления, а также передовых технологических решений (в области телекоммуникаций, электроники, «зеленой» энергетики), необходимых для диверсификации и модернизации других экономик евразийского региона. Эта

взаимодополняемость создает прочный фундамент для торговли и кооперации.

Во-вторых, страны региона тесно взаимосвязаны в различных форматах, инициативах и проектах. Наличие ряда интеграционных объединений и инициатив (Большое Евразийское партнерство – БЕП, БРИКС, ЕАЭС, «Пояс и путь», ОДКБ, ШОС, ЦАРЭС и др.) играет ключевую роль в формировании новой архитектуры сотрудничества и развития на евразийском пространстве. Они выходят за рамки сугубо политического диалога и предлагают конкретные проекты в области экономики, безопасности и инфраструктуры.

В-третьих, для Евразийского региона характерна тесная континентальная связанность:

Географическая – страны объединяют общие границы.

Инфраструктурная – наличие совместных инфраструктурных проектов, в том числе трансграничных (например, энергетические сети, железнодорожная инфраструктура и т.п.).

Экономическая – создание зон свободной торговли, устранение нетарифных барьеров, гармонизация законодательства, производственная кооперация.

Цифровая – создание общих цифровых платформ, обеспечение бесперебойного потока данных, сотрудничество в сфере ИТ.

Логистическая – развитие трансграничных транспортных коридоров создает материальную основу для углубления экономической кооперации (например, МТК Север – Юг, МТК Китай – Западная Европа, Северный морской путь и др.).

В-четвертых, государства Центральной Евразии являются участниками различных международных институтов, которые активно работают в области поддержки устойчивого развития (ЕФСР, ЕБРР, НБР АБИИ, АБР, двусторонние агентства, фонды по развитию и прочие).

В условиях глобальной фрагментации Большое Евразийское партнерство (БЕП) представляется наиболее полной и актуальной концепцией евразийской интеграции. Ядро БЕП могли бы составить государства Центральной Евразии и действующие на данном пространстве многосторонние форматы и инициативы, в первую очередь, такие как ЕАЭС и ОДКБ. Государства БЕП объединены географически, представляют собой страны с развивающимися и переходными экономиками с высоким потенциалом развития, через регион проходят крупные логистические коридоры.

2.2. Возможности и риски

Интеграционные каналы создают широкие возможности для взаимовыгодного партнёрства в целях развития каждой экономики и региона в целом. Однако эти каналы могут стать проводниками кризисных явлений. Проблемы в одной отдельной стране могут оказать существенные негативные эффекты на другие экономики и на регион в целом. В связи с этим требуется качественный мониторинг угроз экономической и финансовой стабильности как в отдельных странах, так и в регионе в целом.

Углубление интеграции и участие стран в различных евразийских проектах, с одной стороны, открывает значительные возможности для усиления экономики региона, но с другой – сопряжено с серьезными рисками.

Развитие интеграции открывает следующие перспективы:

- Экономический рост и развитие: совместные инвестиционные проекты способствуют диверсификации экономики и созданию новых рабочих мест.
- Повышение эффективности и снижение издержек: устранение административных барьеров, гармонизация стандартов и оптимизация логистики напрямую снижают стоимость и время доставки товаров, повышая конкурентоспособность.
- Повышение суверенитета и стабильности: углубление кооперации решает вопросы энергетической, продовольственной и финансовой безопасности, снижая зависимость от действий западных контрагентов и волатильности долларовой системы.
- Технологический обмен и инновации: участие в совместных проектах в сфере высоких технологий и «зеленой» энергетики позволяет осуществлять трансфер знаний, позволяя модернизировать различные сферы деятельности.
- Однако его реализация связана со следующими потенциальными угрозами:
- Экономические риски: высокая взаимозависимость без должных коллективных механизмов управления рисками может привести к быстрому распространению экономических шоков; существует риск неравномерного распределения выгод и концентрации богатств у крупных игроков; потенциальная долговая зависимость от инвестиций с низкой рентабельностью; риск финансирования «проектов века» с сомнительной экономической окупаемостью, которые в долгосрочной перспективе станут обузой для экономики.
- Геополитические и регуляторные риски: конкуренция стран региона за рынки сбыта и инвестиции; разногласия по вопросам политического и экономического курса; сохраняющиеся бюрократические барьеры и коррупционные практики.

- Технологические риски: увеличение цифровой связанности повышает уязвимость к кибератакам, риски утечек данных и технологического шпионажа.
- Внутренние и социальные риски: интенсивное развитие инфраструктуры может обострить экологические проблемы; экономические выгоды могут распределяться неравномерно, усугубляя социальное расслоение.
- Таким образом, успех взаимовыгодной интеграции будет зависеть от способности участников максимизировать позитивный потенциал сотрудничества при эффективном управлении комплексом возникающих рисков как на уровне государства, так и в многосторонних форматах. Зачастую оценка рисков требует кросс-странового анализа с использованием передовой глобальной и региональной экспертизы.

3. Финансовые институты и механизмы поддержания макроэкономической и финансовой стабильности в Центральной Евразии

3.1. Краткий обзор ключевых институтов

Одними из активно используемых в регионе механизмов максимизации позитивного потенциала сотрудничества при эффективном управлении комплексом возникающих рисков выступают международные институты развития.

В Евразийском регионе представлен широкий спектр международных финансовых институтов. Среди них – «старейшие» институты, такие как Всемирный банк и МВФ, Азиатский банк развития (АБР), «новые» западные (Европейский банк реконструкции и развития, ЕБРР), «новые» восточно-азиатские игроки (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, АБИИ), наконец, институты региона, созданные государствами региона для региона (ЕФСР). Помимо этого, существенную роль играют многочисленные агентства развития, институты Арабской координационной группы (АКГ)

При этом, каждый институт ориентирован на специфичные направления, тематики и сектора поддержки, имеет «идеологию» в основе деятельности, сформулированную государствами-участниками. Эта «идеология» продвигается через проекты и программы развития посредством обусловленности, льготности, предложения определенных технологий и стандартов. Такая «идеология» сформулирована в политиках, институциональных подходах, практиках институтов.

К основным направлениям деятельности международных финансовых институтов развития относятся: поддержка бюджетов и платежных

балансов в период шоков экономического характера и для содействия реализации мер политик, необходимых для обеспечения устойчивого и сбалансированного роста, поддержка развития ключевой инфраструктуры внутри и между государствами, оказание технического содействия для укрепления институционального потенциала государств.

Тогда как в регионе работает множество международных финансовых институтов, выраженный мандат содействия в обеспечении макро-стабильности евразийской экономики свойственен только ряду институтов. Среди них, например, Международный валютный фонд со штаб-квартирой в Вашингтоне, США, Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР) со штаб-квартирой в Астане, Республика Казахстан.

Подобная структура характерна и для других регионов мира и доказывает свою эффективность. Например, специализированным на макро-экономической стабильности и безопасности институтами на Ближнем Востоке выступает Арабский валютный фонд, в Южной Америке – Латиноамериканский резервный фонд, в Европе – Европейский стабилизационный механизм, в Юго-Восточной Азии – Чиангмайская многосторонняя инициатива. Все они объединены концепцией «Глобальной сети финансовой безопасности», работают в координации с МВФ, но по своей повестке, которая ставит во главу угла стратегические интересы региона.

Сопутствующий функционал содействия экономической стабильности есть и у других организаций, но он направлен на поддержку их другого, основного мандата. Среди них - многосторонние банки развития, включая АБР, АБИИ, Исламский банк развития, Новый банк развития (БРИКС), двусторонних партнеров по развитию, включая Европейскую комиссию, а также двусторонние агентства по развитию. Между тем, эти институты используют поддержку бюджета как дополнение к своим инструментам в области финансирования базовой инфраструктуры и прочим направлениям содействия развитию.

3.2. Анализ финансовой поддержки стран Центральной Евразии

Согласно информации из Базы данных суверенного финансирования ЕФСР, в регионе международные финансовые институты финансируют программы и проекты в объеме в среднем около 8 млрд долл. США ежегодно. Так, совокупный объем одобренного финансирования в 2024 году стал рекордным с начала ведения базы данных, превысив также объемы глобального кризиса 2009 года и ковидного 2020 года.

В институциональной структуре по объему одобренного финансирования с 2008 года лидирует Азиатский банк развития, следом идут Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ). При этом на

долю арабских финансовых институтов (так называемой Арабской координационной группы) в совокупности пришлось даже больше средств, чем было одобрено МВФ.

На финансирование инвестиционных проектов приходится наибольший объем одобренного финансирования. Оно используется в таких секторах, как инфраструктура, развитие человеческого потенциала, сельское хозяйство, здравоохранение, энергетика, государственное управление и администрирование, и, как правило, предоставляется для реализации средне- и долгосрочных проектов (период 5-10 лет). В секторальном разрезе превалирует финансирование транспорта, энергетики, водоснабжения и санитарии, а также сельского хозяйства.

Техническое содействие (ТС) – это самая маленькая группа, с точки зрения финансовых ассигнований, но самая большая по количеству операций и наиболее важная составляющая поддержки. Это связано с тем, что операции по оказанию ТС направлены на системные процессы – развитие институтов, обучение, создание и укрепление потенциала для реализации проектов страны-бенефициара через передачу экспертизы. Такая экспертиза и обучение передаются вместе со стандартами и политиками, зачастую отражающими «идеологию» донора, что может влиять на вектор политик государства.

В рамках стабилизационного финансирования средства в основном направляются на улучшение экономической политики и совершенствование государственного управления. За несколько последних лет для Казахстана, Армении, Кыргызстана и Таджикистана в общей сложности было одобрено стабилизационное финансирование в объеме 2,7 млрд долл. США. Среди основных международных институтов, которые одобрили эту сумму – Всемирный банк, АБР, АБИИ, ЕФСР и МВФ.

4. Обеспечение устойчивого роста: необходимость создания ключевого регионального финансового механизма в Центральной Евразии

4.1. Аргументы в пользу ключевого регионального финансового механизма

Масштабы вызовов, высокая степень неопределенности, внешнеэкономические шоки и неизбежное усиление экономических связей как внутри региона, так и с крупнейшими экономиками Центральной Евразии требуют наличия механизма (института), который способен оказать эффективную поддержку в обеспечении экономической безопасности как одного из элементов системы безопасности в регионе.

Такой механизм должен строиться на разделяемых всем регионом принципах солидарного развития, учета и распространения лучшей региональной и глобальной экспертизы, обеспечивать возможность управления рисками экономической стабильности и предоставлять объективную оценку региональных инициатив и проектов.

Также для укрепления безопасности региона необходимо обеспечить высокую автономность финансирования от внешних доноров, сделав максимальный акцент на интересах региона, глубоком понимании специфики регионального развития и мобилизации внутренних ресурсов региона для солидарной поддержки партнеров.

Таким образом, назрела объективная необходимость в консолидации усилий для создания более мощного и многофункционального ключевого регионального финансового института для Центральной Евразии. Основные аргументы в его пользу следующие:

- Независимая и объективная оценка рисков для экономической стабильности (безопасности) региона.

Проведение постоянного мониторинга (диагностики) макроэкономических условий в регионе, а также рисков макрофинансовой стабильности, которые могут формировать различные двусторонние и многосторонние инициативы или интеграционные проекты, а также меры политики. Реализация такой функции позволит институционализировать проведение собственной, независимой от внешнего влияния экспертной оценки ситуации и создаст надежную аналитическую основу для содействия в принятии решений на национальном и региональном уровне, где это необходимо.

- Превентивное стабилизационное финансирование.

В отличие от моделей, ориентированных на борьбу с наступившими кризисами, институт мог бы на основе выводов, полученных в рамках макроэкономической диагностики, поддерживать программы макроэкономической стабилизации для превентивного купирования потенциальных рисков. Это позволило бы странам сэкономить государственные ресурсы, которые в ином случае могли бы быть потрачены на обслуживание государственного долга за предоставленное стабфинансирование, укреплять макроэкономическую устойчивость до наступления шоков, снижая стоимость заимствований и формируя финансовые запасы, что особенно актуально в условиях глобальной неопределенности.

- Содействие в реализации потребностей государств в структурных преобразованиях.

Прослеживается потребность в специализированных инструментах для содействия глубоким структурным преобразованиям, которые укрепят экономическую безопасность в среднесрочной перспективе: диверсификация экономик, развитие человеческого капитала, цифровая трансформация, адаптация к климатическим рискам и другие.

- Повышение финансово-экономической безопасности региона.

Институт стал бы центральным элементом защиты от кризисов и влияния волатильности международных рынков. Он укрепил бы «иммунитет» против спекулятивных атак и послужил надежным источником стабильного финансирования, в том числе в национальных валютах, сокращая зависимость от западных институтов и глобальных рынков капитала.

4.2. Контурные предложения по механизму

Предлагаемый институт должен быть сосредоточен на обеспечении экономической стабильности, основан на передовых принципах управления, обеспечивающих его легитимность, эффективность и долгосрочную устойчивость. Его развитие возможно, как на базе существующих институтов (путем расширения охвата и обеспечения достаточными ресурсами), так и в формате новой структуры. При этом целесообразно рассмотреть использование существующей архитектуры для обеспечения синергии, избегания дублирования функций и координации усилий с действующими институтами.

Ключевые принципы организации предлагаемого института включают:

- Общая «идеология развития» как фундамент деятельности: он должен стать не только финансовым, но и идеологическим объединителем, воплощающим общее для региона видение устойчивой и справедливой экономики. Эта концептуальная основа должна включать, как минимум:
- Суверенитет и невмешательство: приоритет национальных моделей развития; условия предоставления финансирования должны быть техническими, а не политическими.
- Общие интересы и принципы: фокус на проектах, приносящих позитивные эффекты для всего региона.
- Прагматизм и результативность: ориентация на объективную диагностику и оценку эффективности.

Архитектура должна базироваться на коллективном управлении. Ядро института должны составить государства, которые готовы взять лидерство в развитии института, выступить гарантами стабильности в регионе. Их ведущая роль в капитале и управлении обеспечит механизму необходимый масштаб и политический вес. При этом учет интересов «малых экономик» послужит инструментом консолидации всего региона вокруг общих целей, предотвращая фрагментацию.

Функциональные возможности института должны включать:

- Проведение регулярной оценки рисков экономической безопасности посредством макроэкономической и отраслевой диагностики стран-участниц.
- Анализ возможностей и рисков трансграничных инициатив и их влияния на регион.
- Предоставление стабилизационного и инвестиционного финансирования.
- Оказание содействия в развитии долгосрочного потенциала роста экономик через содействие в развитии институтов управления внутри государства.
- Продвижение использования национальных валют в расчетах и кредитовании для дедолларизации региональной экономики.
- Создание практической площадки для доверительного диалога по вопросам регионального экономического развития и для диалога экспертов.

Глава 3. Гуманитарное измерение стратегического партнерства – социально-культурное развитие Евразии как многомерный процесс обеспечения стратегического партнерства

1. Необходимость гуманитарной составляющей в проектировании будущего

Современный этап социально-экономического развития предъявляет запрос на особую роль проектирования. Стихийная игра рыночных сил, как и жесткое командно-административное планирование, на данный момент проигрывают проектированию как форме определения будущего. Проблема, которая стоит перед всеми многосторонними международными проектами современности, заключается в определении наиболее эффективных форм проектирования будущего. Представляется, что этот

комплексный процесс должен включать гуманитарную, социально-культурную составляющую как отражение тех интересов и потребностей общества, которые не могут быть сведены к удовлетворению потребностей экономического характера, и реализация которых может как поддержать, так и аннулировать экономические достижения. Чтобы заложить прочный фундамент для будущего развития, требуется вывести диалог за пределы сугубо экономических и технологических вопросов: необходима более широкая повестка диалога, поскольку только так могут быть проявлены новые возможности будущего. Только такой подход позволяет осмысленно связать практические инструменты стратегического партнерства с его стратегическими целями и перспективами, раскрывая его суть как гарантии достойного будущего в новом миропорядке.

Перспективы стратегического партнерства на Евразийском континенте, как они обозначены в существующих проектах, могут рассматриваться в разных измерениях и разных масштабах: во-первых, это перспективы международных региональных объединений на основе стратегического партнерства, таких как ОДКБ, ШОС, СНГ, и во-вторых, это перспективы континентального проекта – Большого Евразийского партнерства, «интеграции интеграций». Очевидно, что проекты стратегического партнерства, уже реально существующие, и проект, охватывающий весь континент, выходящий только на стадию проектирования, могут формировать разную архитектуру взаимодействия – от жесткой иерархии до гибкой сетевой структуры.

2. Два подхода к стратегическому партнерству: эксклюзивность против интеграции

Проекты регионального стратегического партнерства могут позиционировать себя – для внутренней и внешней аудитории – как объединения эксклюзивного, исключительного характера, противостоящие другим проектам партнерства и самой возможности выдвижения других проектов партнерства. Представления элит ЕС о «саде» и «джунглях», где «сад» – «свое» объединение, а «джунгли» – остальная часть мира, образно характеризует такой подход, отражение и преломление представлений о реалиях однополярного мира, стремлений сохранить, воссоздать, выстроить по-новому такие реалии.

Иной вариант проектирования ориентирован на возможность выстраивания взаимовыгодных отношений объединений стратегического партнерства как с другими существующими или потенциальными объединениями, так и с суверенными государствами, не входящими в объ-

единения. Соответственно, здесь разноскоростная и разноформатная интеграция или выбор в пользу иной формы сотрудничества и взаимодействия видится не как дефект и не как явление, допустимое на стадии подготовки к вступлению в объединение, а как практическое отражение признания ценности суверенитета в мире XXI в.

Представляется, что грань между этими вариантами проектирования пролегает не в экономической или политической сферах, а прежде всего в области гуманитарной – в области представлений о взаимодействии с другими, и в том числе с другими цивилизациями. Схема «сад vs джунгли» воплощает в себе наследие колониального времени взаимодействия Западной Европы с другими регионами мира, в том числе другими регионами Евразии. Схема «интеграции интеграций» предполагает возможность разных оснований для стратегического партнерства – оснований, не сводимых к экономической выгоде или реализации политических амбиций, предполагает признание за всеми суверенными государствами права на объединение. Однако «интеграция интеграций» не сможет включить в себя участников, настаивающих на своей исключительности, на своем праве удовлетворения собственных интересов, в т.ч. интересов безопасности, за чужой счет, основанных на доктрине «сад vs джунгли». Впрочем, они сами не видят себя в такой модели партнерства.

3. Культурно-цивилизационные основы Большого Евразийского партнерства

Видение перспектив Большого Евразийского партнерства во многом зависит от точки обзора. С исходной точки, той, откуда и была провозглашена идея Большого Евразийского партнерства – это, прежде всего, территория мира. Мира как гуманитарной ценности, как совокупности отношений, обеспечивающей реалии единой и неделимой безопасности, понимаемой одновременно как главная цель и как необходимое условие углубления экономического сотрудничества.

В настоящее время экономическое взаимодействие на пространстве Большой Евразии в ряде случаев происходит между странами, находящимися в недружественных отношениях между собой, – напрямую или через посредников – но тем не менее происходит. Парадокс в том, что активизация экономического взаимодействия в этом плане не ведет – по крайней мере с одной из сторон, западной – к поиску точек соприкосновения, к поиску общего языка, к настрою на диалог. Тем не менее, такое взаимодействие и его активизация формирует барьеры против расширения не-

контролируемых взаимодействий конфликтно-конфронтационного характера, становится потенциальной точкой старта нового диалога по вопросам безопасности и сотрудничества, взаимоувязанных между собой ценностей безопасности и сотрудничества.

С одной стороны, идея Большого Евразийского партнерства, в одном из ее толкований, может рассматриваться как идея возвращения к идеям взаимовыгодного международного сотрудничества 1990-х – начала 2000-х годов. С другой стороны, данная идея может видаться как основополагающая для некоего нового комплекса взаимоотношений, мечта о котором присутствовала и ранее, но у которого нет более или менее близких исторических аналогий. Действительно, второй подход в большей степени устремлен в будущее, но ему недостает материальной опоры в настоящем, в сегодняшней конфликтной Евразии.

Ставка нынешней администрации США на изменение стиля отношений в одном из регионов Евразии – на Ближнем Востоке – немедленно (и, надо полагать, это не изменится в ближайшей перспективе) столкнулась с проявлениями влияния региональных игроков, чьи субъективно понимаемые интересы как под влиянием исторических реалий недавнего времени, так и под влиянием общественных настроений, осмысляемых избирательно, предполагают продолжение конфликта, а не выстраивание рамок для предстоящего урегулирования.

Данный пример указывает на возможность (и в то же время сложность реализации) сценария, когда предложения о решении существующих разногласий, причем не в формате традиционного посредничества, поступают извне, или ищутся в практике других. Данный пример, что еще важнее, указывает на востребованность поиска существующих решений в опыте других государств, межгосударственных форматов, объединений государств, опирающихся на совместно накопленное наследие.

В начале 2000-х годов одним из сценариев развития Евразии теоретически виделось взаимодействие между западом и востоком континента, под динамику и векторы которого предлагалось подстроиться всем иным участникам. В тех же 2000-х годах опыт показал нежизнеспособность сценария, не учитывающего интересы и не опирающегося на интересы других субъектов, других суверенных государств. Одним из ключевых дефектов схемы, безусловно, было исключение из нее Центральной Евразии. Вместо реалистичного проекта обсуждения (но именно проекта обсуждения, ни в коем случае не проекта схемы) предлагалась идеологизированная, колониально ориентированная конструкция. Одна из проблем заключается в том, что эта конструкция до настоящего времени укоренена

в сознании западноевропейских элит – они готовы торговаться по вопросу, кто будет вторым, подчиненным участником, но они исходят из того, что первым и ведущим участником схемы будет подконтрольная им система.

Таким образом, первым и, возможно, ключевым условием формирования подходов к выстраиванию будущей единой Евразии, Большого Евразийского партнерства является отказ от колониальной, эгоистической политики запада Евразийского континента, воспроизводящей конструкции уничтожения или силового подчинения иных, других, не включенных в систему. Эта политика, объективно, категорически чужда самому цивилизационному пространству Евразии – пространству многих цивилизаций, выдержавших попытки их уничтожения (в большинстве случаев, с запада).

4. Центральная Евразия как складывающаяся модель полицентричности

Необходим поиск исторических аналогий и выстраивание современной модели межгосударственных и межнациональных отношений на большом евразийском пространстве, опирающейся не на разжигание розни, а на поиск согласия. Цивилизационное разнообразие – то, что досталось Большой Евразии исторически, и то, что Большой Евразии предстоит сохранить в условиях нового этапа технологического развития.

Цивилизационное разнообразие Евразийского континента – препятствие с точки зрения либеральной модели развития, и преимущество с точки зрения модели, выходящей за рамки ограничений, заданных Вашингтонским консенсусом 1990-х годов. То, что виделось препятствием в рамках ранее доминировавших схем, является преимуществом, и носителей характеристик этих преимуществ необходимо искать за пределами участников ранее доминировавших схем.

Опыт государств Центральной Евразии, которым удалось обеспечить взаимодополняющее взаимодействие этносов и конфессий, в данной ситуации приобретает особое значение. Исторически случайно или нет, данные отношения оказались локализованы именно в центре Евразийского континента.

Опыт Центральной Евразии демонстрирует, что разный экономический уклад, разный исторический опыт не являются препятствием для взаимовыгодного взаимодействия, гарантирующего права народов, включая право на самоопределение. Заданное с Запада представление, что для

обретения равных с другими прав необходимо выйти на определенный уровень развития, опровергается историческим опытом Центральной Евразии. В этом плане отношения, подобные отношениям, сформированным исторически в Центральной Евразии, могут оказаться модельными и для других регионов континента, и для регионов за пределами континента.

В данном случае ценности солидарности не фискализуются и не трансформируются в задачи принуждения к унификации. Исторически сложившееся разнообразие становится не препятствием, а движущей силой социально-экономического развития. Возрастающее разнообразие международной среды трансформирует ее в пространство суверенного выбора, где государства и альянсы могут занимать позиции либо центров силы, либо медиаторов, осуществляя динамический выбор между открытыми и закрытыми формами регионализации.

На текущий момент единообразие, унификация выглядит не как возможная цель, а прежде всего, как препятствие для устойчивых и взаимовыгодных международных отношений – как двусторонних, так и многосторонних. Будущая модель взаимодействия суверенных государств Евразии выглядит как защита многообразия, суверенитета, национальной самобытности в первую очередь. Исторический опыт России как государства, настроенного на понимание взглядов и подходов представителей разных этносов и конфессий в реализации данной модели, безусловно, имеет особое значение.

Большое Евразийское партнерство как объединение пространства от Атлантического до Тихого океана, от Северного Ледовитого до Индийского океана, на сегодняшний день становится моделью будущего, ориентированной на практическую реализацию.

Вне зависимости от того, в какой степени разделяют потенциальные участники идею Евразии как единого пространства, представляется полезным (и вместе с тем, представляется критерием серьезного отношения к задаче) поиск моделей диалога существующих общественно-политических структур, ориентированных на общественно-политический диалог в масштабе Евразии в будущем.

Потенциальными участниками такого диалога видятся, в том числе, парламентские структуры государств Евразийского континента. Общественно-политическое многообразие государств Евразии, отраженное в составе национальных парламентов, объективно нуждается в представительстве на международном уровне, не ограниченном существующими форматами. Перспективным шагом могло бы стать создание Палаты

Национальностей – представительного органа, призванного аккумулировать это культурное и политическое многообразие. Наделенная рекомендательными функциями, такая палата стала бы площадкой для выработки согласованных подходов по ключевым гуманитарным вопросам. Одной из тем, требующих обсуждения именно в такой новой конstellации, являются, безусловно, цели устойчивого развития. В то время как существующие форматы обсуждения слишком тесно связаны с неудачами реализации поставленных целей.

Безусловно, путь к выстраиванию такого взаимодействия, которое само по себе создает новые перспективы более широких гуманитарных связей, не может быть простым и беспроблемным. Более того, движение к нему может быть связанным в первую очередь не с контактами парламентариев, а с контактами, создающими условия для их сотрудничества.

Так, на современном этапе развития процессов взаимодействия, сотрудничества, стратегического партнерства в Центральной Евразии, с учетом ограничений и угроз, связанных с более широким международным контекстом, создание площадки евразийского диалога на правах наднационального парламента может выглядеть преждевременной. В т.ч. в силу того, что возможности существующих в Центральной Евразии международных межпарламентских структур реализованы далеко не в полной мере и, вероятно, поэтапное задействование этого потенциала может рассматриваться как перспективная задача.

Тем не менее ограничения, проявляемые в сфере существующих форматов диалога, влияющие на его содержание и эффективность, могут быть на текущем этапе если не преодолены, то частично компенсированы за счет такой формы, как диалог экспертов, экспертных структур, экспертных сообществ.

Эта форма (за рамками сугубо технической экспертизы) оказалась востребованной на уровне Организации Объединенных Наций как дополнение к диалогу суверенных государств. Она может оказаться еще более полезной для объединений, ориентированных на региональное стратегическое партнерство. Анализ показывает, что наиболее перспективные проекты в рамках экспертного диалога объединяет одна черта: интеграция гуманитарной проблематики в обсуждение социально-экономических и политических вопросов.

Перспективными средами для рекрутирования потенциальными участниками экспертного диалога на пространстве Центральной Евразии можно считать сферы образования, науки, культуры. Те сферы, которые воспринимаются как отражение и хранилище национального наследия,

национального опыта и вместе с тем ориентированные на диалог со внешним миром и передачу опыта новым поколениям. Является открытым вопросом, в какой степени на данном этапе существуют возможности и готовность для широкого включения молодежи в такой экспертный диалог, но представляется безусловным, что молодежная составляющая диалога должна в нем присутствовать.

Нельзя не учитывать, что международная политическая и экономическая реальность воспринимается не только рационально, но и эмоционально: и эмоциональное восприятие в данный конкретный момент может оказаться более важным, чем рациональные доводы и расчеты. На это, в том числе рассчитаны политико-пропагандистские проекты внешних субъектов, направленные на подрыв интеграционных проектов, проектов стратегического партнерства на пространстве Центральной Евразии. И в этом плане совместные молодежные проекты и инициативы стран Центральной Евразии нельзя не рассматривать как элемент укрепления гарантий и стратегического партнерства, и суверенного будущего.

Достигнутый уровень развития экономического сотрудничества на пространстве Центральной Евразии повышает объективный запрос на развитие культурного, гуманитарного сотрудничества. И одновременно культурное, гуманитарное сотрудничество постепенно создает и укрепляет ту общую платформу, которая делает возможной реализацию масштабных и комплексных новых экономических проектов, проектов прорывного характера.

Объективно, сотрудничество стран Центральной Евразии обладает предпосылками для того, чтобы стать «моделью полицентричности», в которой защищены возможности для развития не только крупнейших и/или первоначальных участников проекта, как это сложилось в ЕС, но и всех участников проекта. Эта роль требует повышенного внимания к гуманитарной составляющей. Основой для этого должны послужить те же принципы, что заложены в общем историческом опыте государств Центральной Евразии и в задачах по обеспечению безопасности и социально-экономического сотрудничества. Именно реализация этих принципов способна определить будущее Большого Евразийского партнерства и характер тех межгосударственных отношений, которые составят его основу.

Глава 4. Становление институтов солидарного развития в Центральной Евразии. Принципы и направления развития Большого Евразийского партнерства

1. Солидарное развитие как новый подход к пониманию современных интеграционных процессов

Солидарное развитие – это парадигма, в основе которой лежит идея о том, что устойчивое и инклюзивное развитие возможно только через сотрудничество, взаимопомощь и учет интересов всех участников процесса. Парадигма базируется на политической теории солидаризма (фр. *solidarisme*, от *solidaire* – «действующий заодно»), которая предполагает солидарность и стремления к компромиссу, социальному сотрудничеству и духовному доверию среди различных слоёв общества, в том числе, классов, партий и групп интересов. Солидарные отношения строятся либо на системе взаимовыгодных договоров, ориентированных на общие интересы, либо на совокупности добровольных сообществ. Модели солидарного развития – это альтернатива моделям, основанным на доминировании, конкуренции и иерархии.

К ключевым принципам солидарного развития в рамках соответствующей концепции традиционно относят:

- Взаимность и совместная выгода для всех участников (отказ от логики «выигрыш-проигрыш» в пользу логики «выигрыш-выигрыш», решения должны приносить пользу всем участникам интеграции, а не только самым сильным).
- Учет асимметрии в уровне и интенсивности экономического развития (признание того, что участники интеграции находятся на разных уровнях развития, солидарность проявляется в создании механизмов содействия развитию выделение целевых финансовых грантов, предоставление льготных кредитов, техническое содействие, инвестиции в инфраструктуру, технологический трансфер).
- Социальная и экологическая ответственность (успех интеграционных стратегий оценивается не только по росту ВВП, но и по снижению неравенства, защите прав трудящихся, соблюдению экологических стандартов и проч.).
- Культурный плюрализм и диалог (исключение политики ассимиляции или доминирования одной культуры, поощрение взаимного уважения, обмена и сохранения идентичности).

- Коллективная безопасность и устойчивость (совместное противостояние вызовам и угрозам, будь то военно-политические и экономические кризисы, пандемии, климатические изменения или гибридные угрозы).

Солидарные отношения осуществляются в тесной связи с переходом к устойчивому развитию, иными словами, в них солидарность ведет к устойчивости, а меры по переходу к устойчивому развитию способствуют становлению и развитию солидарных отношений. Солидарные отношения характеризуют ценностную, критериальную основу, смысл и содержание общественной деятельности людей, а концепция устойчивого развития – средства, механизмы и способы осуществления этой самой деятельности. В этом смысле оба этих феномена стремятся к обеспечению гармонии и содержательности общественной жизни.

Ключевой особенностью перехода к солидарным отношениям и устойчивому развитию становится реализация соответствующего характера перехода: не конфликтно-революционного, а солидарно-эволюционного. В отличие от прежних форм смены социальных систем, имевших в основном революционно-разрушительный характер, переход к солидарной системе, ввиду его осуществления на принципах консенсуса, согласия, толерантности, сотрудничества, единения, взаимопомощи и консолидации, не может быть иным, как путем использования постепенных эволюционных способов перехода с осознанием обществом необходимости соблюдения указанных выше принципов солидарных отношений.

Современные модели солидарного развития формируются в основном как ответ на кризис двух ключевых моделей мирового развития:

- имперская модель (ее элементы в современном ЕС, в отношениях коллективного запада и стран Глобального Юга). Эта модель предполагает отношения доминирования и, соответственно, подчинения, что провоцирует диспропорции в развитии, политические и социально-экономические кризисы, кризисы суверенитета, что в перспективе делает эту модель неустойчивой. В рамках имперской модели интеграция зачастую сопровождается политикой колонизации и производится с целью усиления метрополии.

- неолиберальная модель (ранний ЕС и принципы Вашингтонского консенсуса). Экономическая либерализация предполагала реализацию концепции свободной торговли (свободное движение товаров, капитала, услуг и проч.). Ключевым недостатком этой модели является усиление неравенства между «центром» и «периферией». Так, кризис еврозоны

2008-2015 годов наглядно показал, как жесткая экономическая дисциплина может приводить к социальным потрясениям в менее развитых странах (Греция, Испания).

Концепция солидарного развития в современных интеграционных процессах находит свое отражение в формулировании соответствующих принципов существующих объединений, а также в создании новых структур и форматов. Обращение к идее солидарного развития можно проследить на ряде примеров:

1. Европейский Союз, пережив серию кризисов, активно пытается внедрить принципы солидарности. Дискуссии вокруг принципа солидарности в Европейском Союзе разгорелись в 2008-2009 годах, по мере того, как все больше государств-членов испытывали воздействие глобального экономического кризиса. С тех пор были разработаны механизмы финансовой солидарности в рамках Экономического и валютного союза. В 2002 году появился Фонд солидарности Европейского союза (EUSF) с целью помощи государствам – членам ЕС в случае крупномасштабных катастроф. Еще ранее, в 1994 году был создан Фонд Сплочения – структурный фонд, который помогает государствам-членам ЕС уменьшать экономические и социальные диспропорции и стабилизировать свою экономику. Первоначально Фонд сплочения был создан как механизм компенсации для государств-членов ЕС со сравнительно низким уровнем доходов в связи с созданием Европейского валютного союза, что было предусмотрено Маастрихтским договором (1992). В ответ на кризис COVID-19 была запущена программа NextGenerationEU. В этом же ряду стоит так называемая Зеленая сделка (European Green Deal), выросшая из осознания того, что экологический переход невозможен без поддержки регионов, зависящих от ископаемого топлива. В рамках ЕС есть и другие инициативы, в целом дебаты о «политике сплочения» продолжаются как в практическом и политическом русле, так и в философском и ценностном аспекте.

Однако, при всех усилиях ЕС так и не смог перейти на принципы солидарного развития, а его проблемы наглядно демонстрируют их отсутствие. Изначально ЕС шел по пути унификации: политика мультикультурализма, строительства общеевропейской идентичности, с неизбежным стиранием национальных особенностей, границ, экономик и т.д., с переходом части суверенитета к «европейской бюрократии». Целый ряд решений, особенно после расширения ЕС привел к тому, что они стали противоречить национальным интересам государств, вновь входящих в союз, а в ряде случаев даже «стран-основателей». Примеры этого, в частности, Brexit Великобритании, рост национальных настроений в Германии. Со

временем, создание единого экономического пространства, выравнивание уровня жизни, и т.д. привели к тому, что выгоды от интеграции внутри ЕС достигли определенного предела. Изначально принятая неолиберальная модель интеграции в ЕС стала тяготеть к неоимперской по отношению к присоединившимся к ЕС странам восточной Европы, а также к третьим странам. При этом, зависимость стран ЕС в целом от США существенно возросла.

2. Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В официальных документах ЕАЭС часто апеллирует к солидарности, преследуя цель создания общего рынка со свободным движением товаров, капитала, услуг и рабочей силы.

Несмотря на то, что интеграционные институты ЕАЭС были выстроены по аналогии с ЕС, тяготеющему к закрытому типу интеграции, интеграционные процессы на пространстве ЕАЭС в целом развиваются по открытому типу, более свойственному восточным экономикам, что сохраняет возможность выстраивать взаимодействие, в том числе в торгово-экономической сфере, с другими мировыми экономическими центрами. Как видно из показателей экономического развития в 2022-2025 годах экономика стран ЕАЭС, таких как Армения и Казахстан, не сократилась вследствие санкционного давления на Россию – ближайшего и крупнейшего партнера по интеграции, а наоборот, приросла благодаря использованию страновых преимуществ как «экономического моста». Таким образом, участие стран в интеграционных процессах на пространстве ЦЕА не стало препятствием экономического роста этих стран вследствие жесточайшего санкционного давления на Россию, даже несмотря на имеющуюся изначально асимметрию.

3. Китайская инициатива «Пояс и путь» (BRI) является одним из проектов по реализации идеи «сообщества единой судьбы человечества», что перекликается с идеями солидарности. В рамках этого проекта осуществляются масштабные инвестиции в инфраструктуру развивающихся стран. При всей заявленной направленности на выстраивание общего будущего человечества проект остается эксклюзивным и, в большинстве случаев, не обеспечивает взаимных выгод от его реализации.

4. Новые форматы: BRICS+, RIC и др. Расширение BRICS за счет новых членов (Иран, ОАЭ, Эфиопия, Египет и др.) можно рассматривать как попытку создать платформу солидарного развития на глобальном уровне, где отчётливо проявляется альтернативный либеральному порядку тренд. Эти форматы соответствуют общественному запросу на

формирование многополярного мира, большую справедливость в глобальном управлении, взаимовыгодное экономическое сотрудничество без политических условий. По мнению специалистов, создание реально работающих механизмов взаимной поддержки (например, в расчетах в национальных валютах, технологическом обмене), станет мощным примером солидарного развития на глобальном Юге.

Солидарное развитие приобретает характеристики парадигмы, практически необходимой для полномасштабного внедрения в жизнь. Глобальные проблемы (климат, пандемии, киберугрозы и проч.) невозможно решить в одиночку. Интеграционные либеральные модели, основанные на принуждении или чистой рыночной логике, исчерпали себя и порождают кризисы.

Солидарное развитие – это новый подход, который смещает фокус с интеграции как объединения рынков на интеграцию как создание сообщества взаимной ответственности, взаимопомощи, со-развития. Это эволюционный ответ на сложность современного мира, требующий от участников интеграции не только открывать границы для товаров, но и открываться для компромиссов, взаимовыручки и совместного строительства общего будущего, которое будет устойчивым и справедливым для всех. Успех современных интеграционных проектов будет все больше зависеть от их способности воплотить принципы солидарного развития в жизнь.

2. Принципы Большого Евразийского партнерства

Большое Евразийское партнерство (БЕП) – это внешнеполитическая и экономическая инициатива, выдвинутая Россией в 2015 году. Это экономико-цивилизационный проект, который предлагает взаимовыгодное сотрудничество в Евразии стран, действующих интеграционных объединений, проектов и инициатив на основе общих принципов и подходов к развитию сотрудничества.

БЕП существенно шире, чем пространство от Лиссабона до Владивостока, оно раскрывается не только по параллелям, но и по меридианам. При этом оно ограничено принятием и разделением странами принципов партнерства. Таким образом, географический критерий хотя и является значимым, не может быть достаточным и тем более единственным при формировании БЕП.

Солидарно-эволюционный характер проекта обеспечивается реализацией «интеграции интеграций» или сетевой модели сотрудничества,

призванного обеспечить становление пространства безопасности, сотрудничества и развития в Евразии.

К числу принципов БЕП относят следующие:

1. Открытость. Партнерство не направлено против кого-либо и не является закрытым клубом. Оно открыто для всех стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), стран-партнеров ЕАЭС (например, Китай, Вьетнам, Иран, Сербия), других региональных объединений, прежде всего АСЕАН, государств-участниц ШОС, любых других заинтересованных государств и организаций.

2. Примат международного права и уважение национального суверенитета. БЕП провозглашает отказ от ультиматумов, санкционного давления и политики с позиции силы. В основе БЕП: уважение к модели развития и внутренним делам каждого государства, равенство всех участников, невмешательство во внутренние дела, свобода выбора внешнеполитических и экономических партнеров.

3. Недискриминационность и учет интересов всех сторон. При создании новых правил и стандартов должны учитываться интересы всех участников, больших и малых. Этот принцип призван отличать БЕП от моделей, где доминирующая страна или союз диктует свои условия.

4. Экономическая солидарность и взаимная выгода. Ставка на конкретные экономические проекты и снятие барьеров: гармонизация и совмещение торговых правил между разными объединениями; стимулирование инвестиций и совместных проектов в инфраструктуру, логистику, энергетику, цифровизацию; создание «бесшовной» транспортной и логистической сети в Евразии через Евразию.

5. Многомерность и кооперация. Это гибкий «зонтик», под которым могут сосуществовать разные форматы сотрудничества: двусторонние соглашения (например, между ЕАЭС и Китаем), многосторонние отраслевые инициативы (например, в энергетике или транспорте), взаимовыгодное сотрудничество уже существующих организаций (ЕАЭС, ШОС, АСЕАН) и возможное сопряжение их структур, проектов, инициатив.

6. Сохранение идентичности и многообразия. Евразия – это континент, где пересекаются разные культуры, религии, этносы и цивилизации, существуют страны с различными политическими, экономическими и социальными системами. В разнообразии заложен огромный потенциал роста, поэтому евразийское пространство нуждается не в унификации, а

в уважительном отношении к истории, пути развития каждой страны, сохранении национальной идентичности и культуры.

Принципы Большого Евразийского партнерства – это рамка, определяющая параметры новой, более гибкой, многополярной модели мироустройства. Она отражает стремление России и её партнеров создать в Евразии пространство сотрудничества, основанное не на блоковой конфронтации, а на экономической прагматике, уважении суверенитета и сетевой дипломатии. Концепция БЕП не только определяет стратегический вектор развития евразийской интеграции, ее реализация может предложить модельные форматы и принципы на глобальном уровне.

3. Пути становления институтов солидарного развития: от координации взаимодействия к партнерству для реализации стратегических целей

Становление Большого Евразийского партнерства структурируется по следующим основным направлениям:

1. Пространство ЦЕА и действующие на данном пространстве коллективные форматы, в первую очередь, такие как ЕАЭС и ОДКБ формируют естественное институциональное ядро будущего Большого Евразийского партнерства. При этом построение БЕП включает гармонизацию взаимодействия и сопряжение с другими существующими региональными инициативами и структурами, а также институциональное совершенствование интеграционного пространства Центральной Евразии.

2. Экономическое развитие пространства БЕП будет во многом определяться странами «треугольника» Россия – Индия – Китай. Уже сегодня основной товарооборот в рамках ШОС обеспечивается этим «треугольником», что определяет его роль как второй опорной конструкции БЕП. Подчеркнем, что именно эти три страны стали основателями формата RIC, который сегодня также и в расширенном формате БРИКС+ обеспечивает становление платформы солидарного развития на глобальном уровне.

3. Становление БЕП, как пространства сопрягающихся друг с другом двухсторонних и многосторонних торгово-экономических соглашений определит необходимость распространения схожих принципов и подходов к развитию сотрудничества и со странами, не входящими в БЕП, а также на глобальном уровне. Несмотря на то, что инициатива БЕП имеет континентальную привязку, его роль на глобальном уровне также сопря-

жена с перенесением экономической активности в страны Тихоокеанского региона, что определяет потребность в создании новых логистических маршрутов и экономических коридоров.

4. Развитие целого ряда перспективных и важных для человечества направлений сегодня невозможно на старых условиях и принципах. Решение общих для человечества задач, таких как обеспечение водной, энергетической, цифровой и продовольственной безопасности, развитие перспективных направлений и сфер деятельности, таких как освоение космоса, Арктики, исследование Мирового океана невозможно без более тесного научно-технического сотрудничества и кооперации. Эти глобальные задачи определяют необходимость становления Большого Евразийского партнерства для реализации стратегических целей, основанного не только на экономической выгоде, но и разделении ответственности его участниками за будущее человечества в целом. Это определяет наличие ценностной составляющей такого партнерства и необходимость формирования соответствующей институциональной поддержки.

Партнерство для реализации стратегических целей определяет необходимость формирования институциональной среды, где партнеры не просто сотрудничают для получения тактической выгоды, а совместно определяют долгосрочные стратегические цели и создают механизмы для их достижения, основанные на кооперации и взаимопомощи. Совместное формирование желаемого будущего и коллективное преодоление системных рисков лежит в основе деятельности создаваемых с этой целью институтов солидарного развития.

В целом, путь становления институтов солидарного развития – это путь от транзакционной логики («ты – мне, я – тебе») к логике трансформационной («мы вместе строим общее будущее»). Большую роль играют координация, которая создает каналы коммуникации, и кооперация, которая формирует доверие на практике. Стратегическое партнерство, основанное на солидарности, институционализирует это доверие, создавая устойчивую архитектуру для совместного решения грандиозных задач, непосильных для любого участника в одиночку.

Таким образом, солидарное развитие – это результат целенаправленного процесса институционального строительства, ведущего через координацию действий участников, осуществляемых исходя из национальных интересов и кооперацию их усилий по различным направлениям сотрудничества к формированию и проявлению политической воли для реализации общих стратегических целей.

4. Центральная Евразия как важнейшая составляющая Большого Евразийского партнерства

Центральная Евразия (под которыми мы подразумеваем государства, входящие в состав Организации Договора о коллективной безопасности, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза и Союзного государства) является не просто одной из составляющих, а ключевым, стратегическим элементом в концепции Большого Евразийского партнерства (БЕП). Её роль можно охарактеризовать как «стержневую» или «связующую». Без успешной интеграции этого региона сама идея БЕП теряет смысл.

На пространстве Центральной Евразии пересекаются интересы крупнейших держав и их интеграционных проектов, что определяет особую роль ЦЕА как политической платформы для реализации моделей гибкой и сетевой интеграции, или модели «интеграции интеграций»:

- Россия как ядро ЕАЭС. Казахстан и Кыргызстан – члены ЕАЭС, что делает Союз реально «евразийским». Узбекистан и Таджикистан – страны-наблюдатели, которые гипотетически могут стать членами ЕАЭС, благодаря чему союз получит больший доступ в регион Южной Азии.
- Китай как инициатор и ключевой актор проекта «Пояс и Путь». Все страны Центральной Азии являются партнерами Китая в этом проекте. Именно здесь возможно сопряжение ЕАЭС и проекта «Пояс и Путь».
- Турция и ее пантюркийский проект («тюркский мир»). Турция активно развивает экономические и культурные связи с тюркоязычными странами в Центральной Азии, формируя еще один вектор сотрудничества.
- Индия, Пакистан, Иран. Через Центральную Азию открываются пути для подключения к БЕП этих крупных азиатских экономик.

Через Центральную Евразию проходят или планируются многие ключевые трансконтинентальные маршруты: Север-Юг (Связь России с Индией и странами Персидского залива через Каспий и Центральную Азию), Восток-Запад (Китайский проект «Пояс и путь» (BRI) критически зависит от казахстанских, узбекских и других центральноазиатских маршрутов (например, коридор «Китай – Европа» через Казахстан), «Срединный коридор» через Каспий (альтернативный маршрут, приобретший новую актуальность в свете санкций против России). Все больший геоэкономический вес обретают логистические хабы. Такие страны, как Ка-

захстан и Узбекистан, активно инвестируют в создание современных логистических и финансовых хабов, стремясь стать не просто «транзитными территориями», а полноценными центрами дистрибуции и добавленной стоимости.

Центральная Евразия обладает огромными запасами природных ресурсов – нефти, газа, урана, редкоземельных металлов, меди, золота и т.д. Это делает его критически важным для энергетической безопасности и технологического развития всей Евразии. Регион обладает потенциалом в производстве сельскохозяйственной продукции (хлопок, пшеница, фрукты и проч.). Имеются значимые трудовые ресурсы и существенная емкость потребительского рынка (высока доля молодежи).

Таким образом, Центральная Евразия – это важнейшая артерия будущего Большого Евразийского партнерства. Реализация БЕП обеспечит Центральной Евразии инвестиции, развитие инфраструктуры и рост геополитической значимости. Это делает регион ключевым бенефициаром, заинтересованным в реализации БЕП.

5. Перспективы совершенствования институтов, формирующих общее стратегическое будущее

В основе большинства интеграционных процессов лежат текущие экономические интересы. При этом, реагируя на внешнеполитическую динамику и экономическую конъюнктуру экономические интересы не могут оставаться достаточными для обеспечения устойчивости интеграционного объединения во времени. Так, на стадии развития интеграции ее участники неизбежно приходят к необходимости поиска новых объединяющих скреп. В интеграционной повестке формируются нарративы общих вызовов и угроз, а также общей идентичности. Как видно из исторического опыта, к сожалению, данные нарративы могут реализовываться в примитивных формах назначения общих врагов, поиска различий «своих» и «чужих», что провоцирует рост дискриминации и эскалацию конфликтов как вне, так и внутри подобных объединений. Сама структура интеграционного объединения становится более закрытой и жесткой, управление которой реализуется через диктат объединительной повестки, зачастую в ущерб национальным интересам ее участников.

Значительно большей устойчивостью во времени обладают интеграционные объединения в основе которых лежит общее стратегическое видение. Такие объединения обладают более гибкой внутренней структу-

рой, не требуют жесткой унификации ее участников. «Прошивка» объединения осуществляется через набор принципов, разделяемых участниками, соблюдение которых должно обеспечить достижение общих стратегических целей. Вместо поиска общей идентичности формируется политика защиты уникальности и многообразия, что выражается в гарантиях сохранения национальной идентичности каждого участника. Противостояние общим вызовам и угрозам не приводит к формированию тактических союзов и блоковых форматов, объединение демонстрирует открытость к внешнему миру, а экономический эффект достигается от реализации взаимовыгодных проектов, лежащих в русле стратегического видения объединения. Принципы формирования подобных интеграционных объединений отвечают принципам солидарного развития.

Создание новых и совершенствование действующих институтов в ЦЕА формирующих общее стратегическое будущее – важная задача на пути к реализации проекта БЕП. Ключевая цель подобных институтов – это содействие достижению стратегических целей интеграции.

Несмотря на наличие различных финансово-экономических институтов, действующих на пространстве ЦЕА, многосторонних институтов, деятельность которых направлена на содействие интеграции для формирования общего стратегического будущего не много. В части касающейся содействия обеспечению финансовой стабильности можно привести в пример работу Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР). Представляется, что расширение его деятельности, как с точки зрения географии (пространство ЦЕА, Большой Евразии), так и функционала его работы (создание Бюро ресурсов солидарного развития) может позволить в пилотном режиме апробировать создание и работу новых институциональных механизмов БЕП.

Деятельность Бюро ресурсов солидарного развития призвана обеспечить отработку и запуск многосторонних взаимовыгодных проектов на пространстве Евразии лежащих в русле общего стратегического видения будущего БЕП. Концепт таких проектов должен нести социально-консервативную повестку, направлен на улучшение жизни людей, сохранение идентичности, культурного и природного наследия, обеспечивать финансовую стабилизацию и поступательное экономическое развитие.

Заключение

Выводы, которые можно сделать в рамках доклада свидетельствуют о том, что процессы, сопутствующие становлению многополярного мира, связаны с расширением спектра вызовов и угроз военно-политического, экономического и социокультурного характера.

Цели обеспечения безопасности и развития диктуют странам Большой Евразии важность совершенствования регионального взаимодействия, создания более эффективных механизмов коллективного решения задач в этих сферах.

В различных частях Большой Евразии созданы действенные механизмы сотрудничества, позволяющие эффективно отстаивать интересы. Вместе с тем, в условиях усугубления старых и появления новых разломов на континенте и в мире странам региона важно развивать взаимодействие для более эффективного решения существующих и вновь возникающих проблем и, не замыкаясь на уже существующих форматах, искать новые подходы к объединению совместных усилий.

Большая Евразия, представляя собой колоссальное пространство, не обладает собственной координирующей системой и структурой обеспечения мира и стабильности. С точки зрения обеспечения мира и стабильности в Большой Евразии было бы важно согласовать подходы похожие на те, которые устанавливали Хельсинкские соглашения 1975 года. Наиболее подходящим для этого документом могла бы стать инициированная Беларусью и поддержанная Россией Евразийская хартия многообразия и многополярности в XXI веке.

Одной из задач Евразийской хартии должно стать формирование полноценной Евразийской системы безопасности (ЕАСБ), которую следует рассматривать как комплексное явление, охватывающее разнообразные институты, широкий круг акторов, принципы и нормы, новые политико-дипломатические практики, в том числе неформализованные, инициативы, идейные смыслы. Вероятно, это будет открытая полиструктурная динамическая система – конгломерат международных структур, государств и негосударственных игроков, между которыми существуют гибкие, часто нелинейные связи. Внешние контуры системы будут характеризоваться как «мягкие края».

В части экономики наблюдается структурный сдвиг от западного к восточному вектору торговли. Он выражается в двух ключевых тенденциях: усилении экономической интеграции с Россией и растущей роли

Китая. Масштабы вызовов, высокая степень неопределенности, внешне-экономические шоки и неизбежное усиление экономических связей как внутри региона, так и с крупнейшими экономиками Евразии требуют создания института, который способен оказать эффективную поддержку в обеспечении экономической безопасности как одного из элементов системы безопасности в регионе. Такой механизм должен строиться на разделяемых всем регионом принципах солидарного развития, учета и распространения лучшей региональной и глобальной экспертизы, обеспечивать возможность управления рисками экономической стабильности и предоставлять объективную оценку региональных инициатив и проектов.

С социокультурной точки зрения, Центральная Евразия сформировалась как пространство различных культур, взаимно дополняющих друг друга, что стало серьезным преимуществом. Тем не менее, необходима институционализация многостороннего диалога на площадке своего рода Палаты Национальностей – представительного органа, обеспечивающего возможность участия всех представителей всех государств Центральной Евразии в обсуждении актуальных вопросов.

Таким образом, наиболее эффективными форматами объединения и координации совместных усилий стали бы институты солидарного развития как многонациональные форматы, созданные для решения актуальных задач в различных областях деятельности.

В целом от способности стран Большой Евразии объективно оценить мировые тенденции, выбрать оптимальные пути развития и создать жизнеспособную систему сотрудничества, решения спорных вопросов во многом будет зависеть состояние безопасности и уровень экономического благополучия государств континента. Сегодня просматриваются некоторые признаки готовности стран региона предпринять конкретные шаги в направлении сближения и координации деятельности. Тем не менее реализация описанной модели нуждается в более активном и глубоком обсуждении, осознании того обстоятельства, что устойчивый мир и стабильность достижимы лишь при готовности народов Большой Евразии взять на себя полноценную ответственность за безопасное будущее региона.